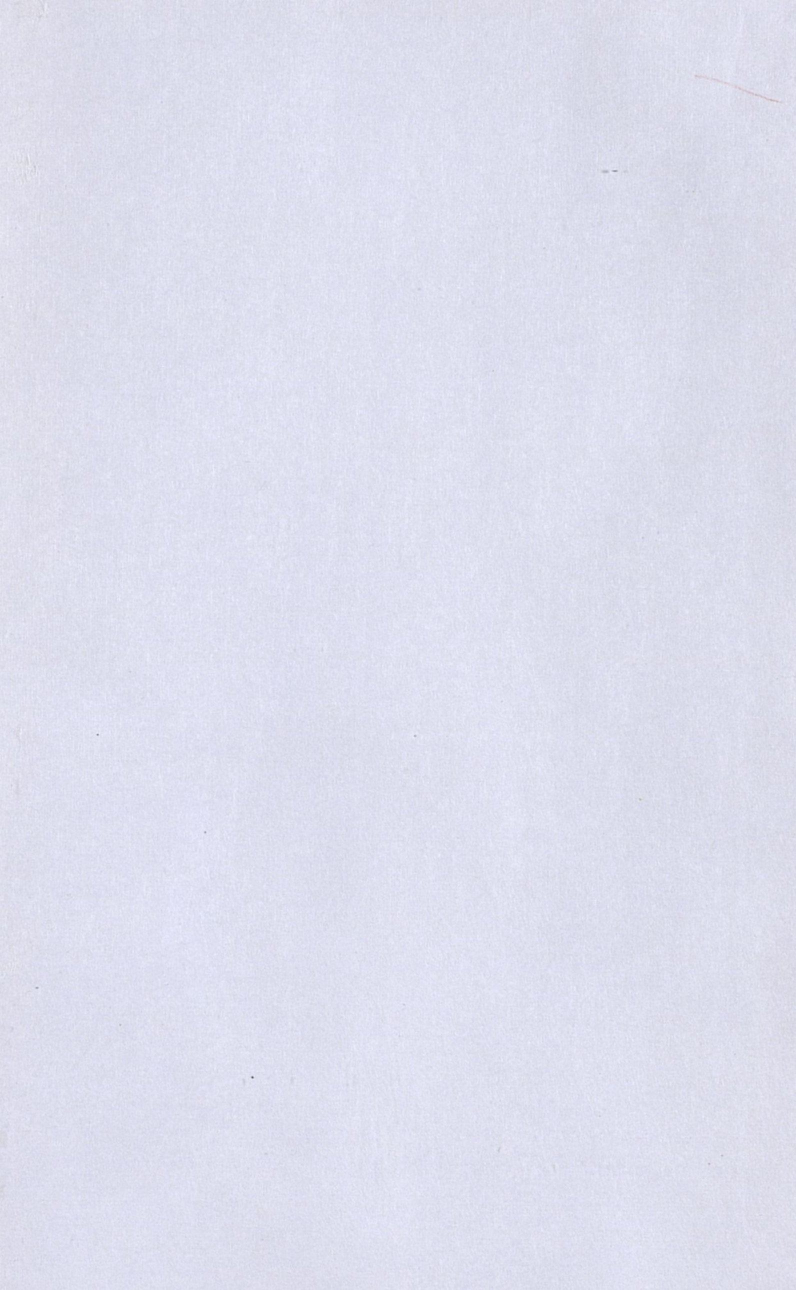

М. А. ЛОХВИЦКАЯ (Жиберъ)

СТИХОТВОРЕНІЯ

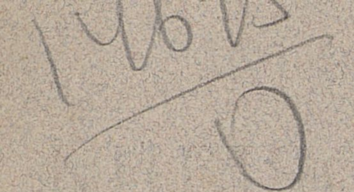
ТОМЪ I

1889—1896

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1900

1468.13
O

М. А. ЛОХВИЦКАЯ (Жиберъ)

СТИХОТВОРЕНІЯ

ТОМЪ I

1889—1896

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

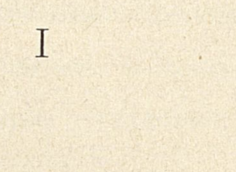

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1900

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

I

Мужу моему

Евгенію Эрнестовичу Жиберъ.

Думы и грезы мои,— и мечтанья завѣтныя эти

Я посвящаю тебѣ. Все, что мнѣ въ жизни ты далъ:

Счастье и радость, и свѣтъ — воплотила я въ краскахъ и звукахъ,

Жаръ вдохновенья изливъ въ сладостныхъ пѣсняхъ любви.

М. Лохвицкая-Жиберъ.

*
* *

Душѣ очарованной снятся лазурныя дали...
Нѣтъ силъ отогнать неотступную грусти истому...
И рвется душа, трепеща отъ любви и печали,
Въ далекія страны, незримыя оку земному.

Но время настáнетъ и, сбросивъ оковы безсилья,
Воспрянетъ душа, не нашедшая въ жизни отвѣта,
Широко расправитъ могучія бѣлыя крылья
И узритъ чудесное въ морѣ блаженства и свѣта!

---

* * *

Если-бъ счастье мое было вольнымъ орломъ,
Если-бъ гордо онъ въ небѣ парилъ голубомъ,—
Натянула-бъ я лукъ свой пѣвучей стрѣлой,
И живой или мертвый, а былъ бы онъ мой!

Если-бъ счастье мое было чуднымъ цвѣткомъ,
Если-бъ росъ тотъ цвѣтокъ на утесѣ крутомъ,—
Я достала-бъ его, не боясь ничего,
Сорвала-бъ и упилась дыханьемъ его!

Если-бъ счастье мое было рѣдкимъ кольцомъ
И зарыто въ рѣкѣ подъ сыпучимъ пескомъ,—
Я-бъ русалкой за нимъ опустилась на дно,
На рукѣ у меня заблистало-бъ оно!

Если-бъ счастье мое было въ сердцѣ твоемъ,—
День и ночь я бы жгла его тайнымъ огнемъ,
Чтобы, мнѣ безъ раздѣла навѣкъ отдано,
Только мной трепетало и билось оно!

ВЕСНА.

То не дѣва-краса отъ глубокаго сна
Поцѣлуемъ любви пробудилась.
То проснулась она,— молодая весна,
И улыбкой земля озарилась.

Словно эхо прошло,—прозвучала волна,
По широкимъ полямъ прокатилась:
«Къ намъ вернулась она, молодая весна,
Молодая весна возвратилась!»

Смѣло въ даль я гляжу, упованья полна,—
Тихимъ счастіемъ жизнь освѣтилась.
Это снова она, молодая весна,
Молодая весна возвратилась!

---

* * *

Вы снова вернулись—весеннія грезы,
Летучіе свѣтлые сны!
И просятся къ солнцу душистыя розы —
Любимыя дѣти весны.

Чаруютъ и нѣжатъ волшебные звуки,
Манятъ, замирая вдали.
Мнѣ чудится... чьи-то могучія руки
Меня подымаютъ съ земли...

«Куда-жъ мы летимъ? гдѣ пріютъ наслажденья?
Страну моихъ грезъ назови!»
И вотъ—будто отзвуки чуднаго пѣнья —
Мнѣ слышится шопотъ любви:

«Туда мы умчимся, гдѣ царствуютъ розы,
Любимыя дѣти весны,
Откуда слетаютъ къ намъ ясныя грезы,
Прозрачные, свѣтлые сны.

Туда, въ ту безбрежную даль унесемся,
Гдѣ сходится небо съ землей,
Тамъ счастьемъ блаженнымъ мы жадно упьемся
И снова воскреснемъ душой!

Я плачу... но это послѣднія слезы...
Я вѣрю обѣтамъ весны...
Я вѣрю вамъ, грезы, весеннія грезы,
Летучіе, свѣтлые сны!

1889.

ПѢСНЬ ЛЮБВИ.

Хотѣла-бъ я свои мечты,
Желанья тайныя и грезы
Въ живые обратить цвѣты,—
Но... слишкомъ ярки были-бъ розы!

Хотѣла-бъ лиру я имѣть
Въ груди, чтобъ чувства, вѣчно юны,
Какъ пѣсни, стали въ немъ звенѣть,—
Но... порвались бы сердца струны!

Хотѣла-бъ я въ минутномъ снѣ
Извѣдать сладость наслажденья,—
Но... умереть пришлось бы мнѣ,
Чтобъ не дождаться пробужденья!

NOTTURNO.

Что за ночь!.. какъ чудесно она хороша!
Тихо вѣетъ зефиръ съ высоты.
Ароматомъ луговъ и прохладой дыша,
Онъ цѣлуетъ, ласкаетъ цвѣты.

Гимнъ побѣдный звучитъ и несется въ окно,—
О блаженствѣ поетъ соловей.
Но къ чему, если гордое сердце одно
Не заставитъ онъ биться сильнѣй?

И зачѣмъ такъ плѣнительно блещетъ луна
Въ ореолѣ прозрачныхъ лучей?
И зоветъ... и манитъ... И, томленья полна,
Я съ нея не спускаю очей.

Ахъ, когда бы съ тобой въ эту ночь я могла,
Какъ и прежде, внимать соловью,—
Я бы жизнь, я бы душу свою отдала
За единую ласку твою!

Я-бъ созналась теперь, какъ давно о тебѣ
Я тоскую при свѣтѣ луны,
Какъ измучилось сердце въ безплодной борьбѣ,
Какъ любви обольстительны сны!

Я-бъ шептала подъ трели ночного пѣвца
Рѣчи, полныя страсти живой,
Про любовь безъ границъ, про восторгъ безъ конца,
Про желанья души огневой!

Я-бъ сказала... Но поздно... замолкъ соловей...
Лишь одна, неизмѣнно-ясна,
Изъ-за темной листвы задремавшихъ вѣтвей
Упоительно блещетъ луна...

УТРЕННЯЯ СЕРЕНАДА.

„Зажглась заря, а сонъ тебя ласкаетъ“.
Русскій романсъ...

Блистаетъ день, и пурпурный, и ясный,
На высяхъ горъ.
Тебѣ пою; мнѣ вторитъ хоръ согласный,
Воздушный хоръ.

Проснись, дитя! забудь ночныя грезы,
Разсѣй мечты.
Въ твоемъ саду уже раскрылись розы,—
Проснись и ты!

Цвѣтовъ любви въ окно я набросаю
На грудь твою.
Тебя люблю, но страсть свою скрываю,
Въ душѣ таю.

И только въ пѣснѣ пламенной и нѣжной
Звучитъ она,
И льется пѣснь, какъ моря шумъ мятежный,
Тобой полна!

ФЕЯ СЧАСТЬЯ.

На пестромъ ковр́ѣ ароматныхъ цвѣтовъ,
При трепетномъ свѣтѣ луны,
Уснулъ онъ подъ лепетъ немолчный листовъ,
Подъ говоръ хрустальной волны.

Но вдругъ притаился шумливый ручей,
Замолкъ очарованный лѣсъ.
Онъ видитъ... качели изъ лунныхъ лучей
Спускаются тихо съ небесъ.

Онъ видитъ... съ улыбкой на ясномъ лицѣ,
Въ одеждѣ воздушной, какъ дымъ,
Вся свѣтлая, въ дивно-блестящемъ вѣнцѣ,
Склонилася фея надъ нимъ.

«Мой мальчикъ! садись на качели ко мнѣ,
Намъ весело будетъ вдвоемъ...
Вздымаясь все выше къ серебристой лунѣ —
Мы въ лунное царство порхнемъ!

Земную печаль и невзгоды забудь,—
Страданье невѣдомо мнѣ.
Головкой кудрявой склонись мнѣ на грудь
И счастью отдайся вполнѣ...

Ты слышишь ли шопотъ, лобзанья и смѣхъ,
Аккорды невидимыхъ лиръ?
То къ намъ приближается царство утѣхъ,
Мой лунный, серебряный міръ!»

Хотѣлъ онъ проснуться, но чуднаго сна
Онъ чары разсѣять не могъ.
А фея звала его, страсти полна,
Въ свой тайный волшебный чертогъ.

И долго качалась и пѣла надъ нимъ,
Когда-жъ заалѣлся востокъ,
Она унеслась къ небесамъ голубымъ,
На грудь его бросивъ цвѣтокъ.

---

* * *

Весна!... Наконецъ въ эту свѣтлую, ясную ночь
Могу я вполнѣ насладиться,
Могу отогнать всѣ сомнѣнья тревожныя прочь
И въ грезахъ волшебныхъ забыться.

Весна!... Сколько счастья и сколько страданья опять
Въ душѣ пробудилось невольно.
Какъ будто еще не довольно любить и страдать,
И вѣрить, и ждать не довольно?

Какъ будто... Но запахомъ свѣжимъ весеннихъ цвѣтовъ
Пахнуло въ окно отпертое,—
И вспомнилось время безпечно-счастливыхъ годовъ,
То время—давно отжитое.

«Оно возвратится, оно возвратится опять!»
Мнѣ шепчетъ весна молодая:—
«Вновь сердце забьется, и будетъ разсудокъ дремать
Подъ сказки зеленаго мая».

---

* * *

Ни рѣчи живыя, ни огненный взглядъ,
Въ ней душу его не плѣняли,
Но косы, но русыя косы до пятъ —
Разстаться съ русалкой мѣшали.

Напрасно онъ бился въ коварныхъ сѣтяхъ,
Напрасно къ соперницѣ рвался,
Запутался въ чудныхъ ея волосахъ
И съ нею навѣки остался.

———

ЦАРИЦА СНОВЪ.

Говорятъ, въ царствѣ гномовъ есть чудо-дворецъ,
Весь изъ золота слитъ и порфира;
Тамъ рубиновый тронъ и алмазный вѣнецъ
Ждутъ царицу подземнаго міра.

Есть на днѣ океана коралловый гротъ,
Гдѣ блестятъ жемчуга дорогіе,
Тамъ усердно служили-бъ владычицѣ водъ
Шаловливыя рыбки морскія.

Но въ подземныя нѣдра меня не манитъ
Обѣщанье заманчивой сказки,
Я люблю, если солнце мнѣ душу живитъ,
Если ярко мнѣ косы оно золотитъ,
Разсыпая горячія ласки.

И хрустальная глубь не прельщаетъ мой взоръ,
Не сулитъ мнѣ желанной свободы;—
Мнѣ милѣе лазурнаго неба шатеръ
И полей, и луговъ необъятный просторъ,
Красота безпредѣльной природы.

Нѣтъ, царить я-бъ хотѣла надъ міромъ тѣней,
Міромъ грезъ и чудесъ вдохновенья,
Чтобы сны покорялися волѣ моей,
Чтобъ послушны мнѣ были видѣнья!

Я послала бы дѣтямъ веселые сны,
Чтобъ смѣялись они, засыпая;
И приснились бы птичкамъ проказы весны,
Наслажденья цвѣтущаго мая.

А сама я, надѣвъ серебристый покровъ
Изъ тумана и луннаго свѣта,
Полетѣла-бъ на землю царицею сновъ,
Чтобъ припасть къ изголовью поэта...

Онъ проснется... онъ вспомнитъ о радужныхъ снахъ,
Позабудетъ заботы земныя—
И въ какихъ вдохновенныхъ, могучихъ стихахъ
Перескажетъ видѣнья ночныя!

ПРИЗЫВЪ.

Полупрозрачной легкой тѣнью
Ложится сумракъ голубой,—
Въ саду, подъ бѣлою сиренью,
Хочу я встрѣтиться съ тобой.

Тоска любви!.. съ какою силой
Она сжимаетъ сердце мнѣ,
Когда не слышу голосъ милый
Въ ночной унылой тишинѣ!

Деревья дремлютъ... небо ясно...
Приди!—я жду тебя одна.
О, посмотри, какъ ночь прекрасна,
Какъ упоительна весна!—

Все полно нѣги сладострастья,
Неизъяснимой красоты...
И тихій вздохъ избытка счастья
Раскрылъ весенніе цвѣты.

30-го апрѣля.

---

* * *

Ты не думай уйти отъ меня никуда!
Насъ связали страданья и счастья года;
Иль напрасно любовью горѣли сердца,
И лобзанья, и клятвы лились безъ конца?

Если жить тяжело, можно страхъ превозмочь,
Только выберемъ темную, темную ночь,
И, когда закатится за тучу луна,—
Насъ съ высокаго берега приметъ волна.

Разметаю я русую косу мою
И, какъ шелковой сѣтью, тебя обовью,
Чтобъ заснулъ ты навѣкъ подъ морскою волной
На груди у меня, неразлучный со мной!

2*

* * *

Могла-ль не вѣрить я, когда съ такою страстью
Твой неотступный взоръ слѣдилъ за мной вездѣ?
Да, я повѣрила обманчивому счастью,
Недостижимо-блещущей звѣздѣ!

Могла-ль не вѣрить я, когда мои сомнѣнья
Умѣлъ разсѣять ты улыбкою одной?
Безъ жаркихъ словъ любви, безъ клятвъ и увѣренья
Ты овладѣлъ отзывчивой душой.

Могла-ль не вѣрить я, когда могучей властью
Былъ побѣжденъ мой умъ и воля вся моя?
Да, я повѣрила обманчивому счастью...
Но, милый другъ, могла-ль не вѣрить я?

ПОСЛѢДНІЕ ЛИСТЬЯ.

Я вышла въ садъ. Осеннею порой
Былъ грустенъ видъ деревъ осиротѣлыхъ,
И на землѣ—холодной и сырой—
Лежалъ коверъ изъ листьевъ пожелтѣлыхъ.

Они съ нагихъ срывалися вѣтвей,
Кружилися и падали безшумно,—
Какъ сонъ... какъ смерть... А жить душѣ моей
Хотѣлося такъ страстно, такъ безумно!

О, гдѣ ты, зной томительныхъ ночей?
Гдѣ пѣнье птицъ, цвѣтовъ благоуханье
И животворныхъ солнечныхъ лучей
Безмолвныя, но жаркія лобзанья?..

Зачѣмъ мечты мою волнуютъ грудь?—
Прошла весна, исчезли чары лѣта...
Зачѣмъ же сердце хочетъ ихъ вернуть,
И рвется къ нимъ, и требуетъ отвѣта?..

---

*
* *

Придешь ли съ новою весной,
О свѣтлый май, о май желанный,
Какъ мальчикъ, рѣзвый и живой,
И, какъ цвѣтокъ, благоуханный?

Тебя съ восторгомъ встрѣтитъ вновь
Въ тебя влюбленная природа,
Съ тобой вернется къ намъ свобода,
Вернется счастье и любовь!

Ты мысли, чувства и желанья
Сольешь въ стремленіи одномъ,—
И снова зазвучатъ лобзанья
Въ прозрачномъ сумракѣ ночномъ!

МРАКЪ И СВѢТЪ.

I.

Покрыла землю дымкой голубою
Горячая мерцающая ночь.
Недолго я боролася съ собою,—
Я не могла желанья превозмочь.
Изъ душной кельи вышла я украдкой,
И чудный міръ открылся предо мной,
Заворожилъ меня истомой сладкой,
Окуталъ синей пеленой...
Въ болѣзненно-томительномъ чаду
Я шла впередъ, сама не сознавая,
Куда иду, зачѣмъ иду?..
Мнѣ чудилось, вершинами кивая,
Меня привѣтствовалъ деревьевъ темный рядъ...
И слышалось шептаніе дріадъ...
А подъ ногой змѣилась, какъ живая,
Лазурная и мягкая трава.
Но странныя тревожили слова
Мой чуткій слухъ... Казалось, въ отдаленьѣ
Звучало и лилось таинственное пѣнье,
Все ближе... все сильнѣй!.. Дыханье затая,
Впивала я невѣдомые звуки...

Вдругъ... страстныя мой станъ обвили руки—
И кто-то прошепталъ:—«ты наша... ты моя!..»
И все смѣшалось въ сумракѣ ночномъ...
Но, какъ сквозь сонъ чарующій, могу я
Припомнить жаръ и трепетъ поцѣлуя
И свѣтлый серпъ на небѣ голубомъ...

II.

Минула ночь... На берегу крутомъ
Очнулась я; тоска меня давила.
Возможно-ль жить!.. А послѣ... а потомъ?..
Не лучше ли холодная могила?..
Не лучше ли на днѣ глубокомъ спать,
Не чувствовать, не думать, не желать,
Отъ бѣдъ земныхъ, отчаянья, сомнѣнья,
Тамъ вѣчное найти успокоенье?..
Въ послѣдній разъ на землю долгій взоръ
Я кинула и... сердце встрепенулось!..
Вокругъ меня все ожило, проснулось.
Сквозь утренній туманъ алѣли выси горъ,
Темнѣли береговъ далекихъ очертанья,
Пестрѣлъ луговъ нескошенный коверъ...
И такъ хорошъ, такъ полонъ обаянья
Былъ Божій міръ, что жгучая печаль
Утихнула... и жизни стало жаль.
Зажглась заря... живительной прохладой
Повѣялъ съ моря легкій вѣтерокъ,
И первый лучъ надеждой и отрадой
Смѣнилъ тоску въ взволнованной груди...
Еще такъ много счастья впереди!..
«Ты наша... ты моя!..» Нѣтъ! слезы умиленья
Мнѣ вызвалъ на глаза приливъ иной любви...
О Боже мой! прости мнѣ заблужденья
И на борьбу и жизнь благослови...

1890.

*
* *

Зачѣмъ твой взглядъ, и бархатный, и жгучій,
Мою волнуетъ кровь —
И будитъ въ сердцѣ силою могучей
Уснувшую любовь?

Встрѣчаясь съ нимъ, я рвусь къ тебѣ невольно,
Но страсть въ груди давлю...
Ты хочешь знать, какъ сладко мнѣ и больно,—
Какъ я тебя люблю?..

Закрой глаза завѣсою двойною
Твоихъ рѣсницъ густыхъ,—
Ты не прочтешь подъ маской ледяною
Ни думъ, ни чувствъ моихъ!

*
* *

Да, это былъ лишь сонъ! Минутное видѣнье
Блеснуло мнѣ, какъ свѣтлый метеоръ...
Зачѣмъ же столько грезъ—блаженства и мученья
Зажегъ во мнѣ—неотразимый взоръ?

Какъ пусто, какъ мертво!.. И въ будущемъ все то же...
Часы летятъ... а жизнь такъ коротка!..
Да, это былъ лишь сонъ, но призракъ мнѣ дороже
Любви живой роскошнаго цвѣтка.

Разсѣялся туманъ, и холодъ пробужденья
Въ горячемъ сердцѣ кровь оледенилъ.
Да, это былъ лишь сонъ... минутное видѣнье...
Но отчего-жъ забыть его нѣтъ силъ?

27-го января.

ВЪ МОНАСТЫРѢ.

Вѣчный холодъ и мракъ въ этихъ душныхъ стѣнахъ,
Озаренныхъ сіяньемъ лампадъ,
И вселяетъ невольно таинственный страхъ
Образовъ нескончаемый рядъ...

Разъ, весной, вмѣстѣ съ луннымъ лучомъ, мотылекъ
Въ мою темную келью впорхнулъ;
Онъ уста мои принялъ за алый цвѣтокъ
И лобзаньемъ къ нимъ жадно прильнулъ.

Съ этихъ поръ я не знаю, что сталось со мной...
Будто что-то припомнила я...
Все мнѣ чудится садъ, освѣщенный луной,
Все мнѣ слышится пѣснь соловья...

И забыться нѣтъ силъ, и молиться нѣтъ словъ...
Я нѣма предъ распятьемъ святымъ...
О, сорвите съ меня этотъ черный покровъ,
Дайте волю кудрямъ золотымъ!..

Ахъ, зачѣмъ родилась я не птичкой лѣсной,—
Я въ далекій умчалась бы край,
И заботы, и радости жизни земной
Замѣнили-бъ потерянный рай!

---

* * *

Какъ тепло, какъ привольно весной!
Наклонилися ивы надъ зыбкой волной,
Какъ зеленыя кудри русалокъ,
И разлился по чащѣ лѣсной
Упоительный запахъ фіалокъ.

Тише, сердце!.. умолкни, усни!..
Не обманутъ тебя эти майскіе дни
Обаяньемъ весны благодатной;—
Какъ весеннія пѣсни,—они
Отзвучатъ и замрутъ невозвратно...

Вновь нависнетъ осенній туманъ,
Перелетныхъ потянется въ даль караванъ,
Охладѣютъ свинцовыя воды.
Для чего-жъ этотъ вѣчный обманъ,
Эта старая сказка природы?

---

* * *

Сирень расцвѣла; доживали смѣлѣе
Свой радужный вѣкъ мотыльки.
Одна я бродила по старой аллеѣ
Въ приливѣ невольной тоски.

Что въ душу закралось, чей голосъ такъ нѣжно
Навѣялъ былыя мечты?..
Я счастья искала и съ вѣтки небрежно
Въ раздумьи срывала цвѣты.

Вставали минувшаго милыя тѣни,
Слезою туманился взоръ,
И сыпались вѣнчики бѣлой сирени,
Какъ снѣгъ, на зеленый коверъ...

А все наслаждалось, все жизнью дышало
Въ весенній ликующій день,
И, тихо качаясь, кругомъ разливала
Свой сладостный запахъ сирень...

НОЧИ.

Какъ жарко дышутъ лиліи въ саду!
Дыханьемъ ихъ весь воздухъ напоенъ...
И дремлетъ садъ; къ зеркальному пруду
Склонился онъ, въ молчанье погруженъ.

Какъ эта ночь нѣмая хороша!—
Аллеи спятъ, безмолвны и темны...
Не рвется въ міръ таинственный душа...
Ни соловьиныхъ пѣсенъ, ни луны...

Очами звѣздъ усыпанъ неба сводъ;
Ихъ трепетный, зеленоватый свѣтъ
Чуть серебритъ поверхность сонныхъ водъ,
Они глядятъ—и шлютъ землѣ привѣтъ.

Спокойно все, и небо, и вода.
Ласкающій весь міръ объемлетъ мракъ.
Ни думъ, ни грезъ... О, если бы всегда,
О, если-бъ вѣчно, вѣчно было такъ!..

Но помню я ночь лунную; она
Тревожна такъ и горяча была...
И соловей все плакалъ у окна,
Все пѣлъ... о чемъ?—понять я не могла.

Печальный взоръ на небо устремивъ,
Я слушала... и странною тоской
Сжималась грудь. Загадочный призывъ
Звучалъ и росъ... Могучею волной

Захватывалъ онъ душу и терзалъ,
И влекъ ее... Такъ бѣшеный потокъ
На грозный рифъ, къ уступамъ дикихъ скалъ,
Несетъ порой довѣрчивый челнокъ.

Но канула, исчезла безъ слѣда
Больная ночь... Прохлады полный мракъ
Царитъ кругомъ... О, если бы всегда,
О, если-бъ вѣчно, вѣчно было такъ!

„НЕ ЗАБЫТЬ НИКОГДА“.

I.

Ты помнишь скамейку на дальней дорожкѣ,
Гдѣ липовый сводъ былъ такъ густъ и высокъ,
Гдѣ какъ-то случайно съ споткнувшейся ножки
Упалъ на траву башмачокъ?
Ты помнишь ли трепетъ любви и смущенья,
И сладость блаженства въ минуту забвенья,—
Взаимнаго чувства невольный порывъ?
Волшебные сны!.. Ты забудешь ли ихъ?
О, вѣрь мнѣ, безумно захочешь ты снова
Вернуть на мгновенье хоть призракъ былого—
Не вырвать изъ памяти счастья года,—
Не забыть никогда, не забыть никогда!

II.

Ты помнишь, какъ чары весенней природы
Сводили насъ дивною властью своей,
Дразнили возможностью тайной свободы,
Мерцаніемъ свѣтлыхъ ночей?
Ты помнишь ли наши вечернія встрѣчи,
Горячія ласки, завѣтныя рѣчи?

Весны золотой невозвратные дни,
Какъ пѣсни любви отзвучали они!
О, вѣрь мнѣ, нигдѣ не найдемъ мы забвенья,—
Минувшаго счастья возстанутъ видѣнья,
Отъ нихъ намъ всю жизнь не уйти никуда...
Не забыть никогда, не забыть никогда!

III.

Ты помнишь, какъ нѣжилъ насъ вѣтеръ душистый,
На мысль навѣвая истому и лѣнь,
Какъ долго искали мы чащи тѣнистой
        Въ іюньскій томительный день?
А солнце палящими жгло насъ лучами,
И мучило насъ, и смѣялось надъ нами,
Стараясь сквозь вѣтви деревьевъ взглянуть
На русыя косы, на бѣлую грудь.
О, вѣрь мнѣ, напрасно, отдавшись надеждѣ,
Захочешь ты жизнью упиться, какъ прежде,—
Минувшіе дни отошли безъ слѣда...
Не вернуть никогда, не вернуть никогда!

IV.

Ты помнишь, какъ въ сумракѣ темнаго парка
Мы часто бродили въ полуночный часъ,
И звѣзды сіяли такъ чудно, такъ ярко,
        Съ любовью взирая на насъ?
А старыя сосны, въ безмолвной печали,
Вершинами хвойными грустно качали,
Да съ вѣтки черемухи пѣсней своей
Влюбленную пару встрѣчалъ соловей...
О, вѣрь мнѣ, безсмертны такія мгновенья,
Въ нихъ рая блаженство, въ нихъ ада мученья,
Ихъ сердце съ тоской сохранитъ навсегда...
Не забыть никогда, не забыть никогда!

V.

Ты помнишь, какъ жарко тебя я любила,
Какъ страсть разгоралась сильнѣй и сильнѣй?
Казалось, ни время, ни жизнь, ни могила
Любви не измѣнятъ моей.
Съ тобой я готова была на изгнанье,
На горе и муки, на смерть и страданье,—
Но съ первымъ дыханьемъ холодной зимы
Спокойно и гордо разстались мы.
О, вѣрь мнѣ, разлука не можетъ быть вѣчна,
Затѣмъ, что люблю я тебя безконечно!
Пусть прежняго счастья померкла звѣзда,—
Мнѣ тебя не забыть, не забыть никогда!

30-го октября.

СРЕДИ ЦВѢТОВЪ.

Вчера, гуляя у ручья,
Я думала: вся жизнь моя—
Лишь шалости да шутки.
И, подъ журчаніе струи,
Я въ косы длинныя свои
Вплетала незабудки.

Былъ тихій вечеръ, и кругомъ,
Какъ бы въ дремотѣ передъ сномъ,
Чуть трепетали ивы,—
И рѣяли среди цвѣтовъ
Стада стрекозъ и мотыльковъ,
Безпечно-шаловливы...

Вдругъ, слышу шорохъ за спиной...
Я оглянулась... Предо мной,
И стройный, и высокій,
Стоитъ и смотритъ на меня
Очами, полными огня,
Красавецъ черноокій.

«Дитя, зачѣмъ ты здѣсь одна?
Смотри, взошла уже луна,
Огни погасли въ селахъ»...

3*

А я въ отвѣтъ: — «Среди цвѣтовъ
Пасу я пестрыхъ мотыльковъ,
Пасу стрекозъ веселыхъ».

И разсмѣялся онъ тогда:
«Дитя, оставь свои стада
Пасти самой природѣ;
Пойдемъ со мной въ прохладный гротъ...
Ты слышишь?—Соловей поетъ
О счастьѣ и свободѣ.

Подъ вѣчный лепетъ звонкихъ струй
Тамъ слаще будетъ поцѣлуй,
Отраднѣе молчанье;—
И не сомнется твой вѣнокъ,
И не сотрется бархатъ щекъ
Отъ нѣжнаго лобзанья!»

Мнѣ страненъ былъ языкъ страстей,—
Не тронули души моей
Мольбы и заклинанья;
Какъ лань пустилась я домой,
Стараясь страхъ умѣрить мой
И груди трепетанье...

Съ тѣхъ поръ потерянъ мой покой!—
Ужъ не брожу я надъ рѣкой
Въ вѣнкѣ изъ незабудокъ,
Борюсь съ желаніемъ своимъ,—
И споритъ съ сердцемъ молодымъ
Неопытный разсудокъ...

ЗВѢЗДЫ.

Посмотри на звѣзды; чистое сіянье
Льютъ онѣ на землю изъ лазурной дали.
Что предъ ними наши страсти и страданья,—
Мелкія утраты, дѣтскія печали?
Все пройдетъ безслѣдно, минетъ скоротечно,—
Только звѣзды людямъ не измѣнятъ вѣчно.

Если грусть на сердцѣ, если жизнь постыла,
Если умъ тревожатъ думъ тяжелыхъ муки,—
Ты вглядись поглубже въ вѣчныя свѣтила,
И утихнетъ горе и тоска разлуки.
Все пройдетъ безслѣдно, минетъ скоротечно,—
Только звѣздъ сіянье не погаснетъ вѣчно!

9-го декабря.

У МОРЯ.

(Поэма).

29-го мая.

О море!.. Ту же грусть и то же восхищенье
Невольныя переживаю я, —
Какъ прежде, какъ тогда, въ глубокое волненье
Опять душа погружена моя.
Какъ прежде... какъ тогда!.. То былъ ли сонъ блаженный,
Подъ говоръ волнъ навѣянный весной
И соловьиной пѣснью вдохновенной?
Минувшее воскресло предо мной:
Вотъ старый паркъ, свидѣтель первой встрѣчи,
И гдѣ, въ аллеѣ темной и густой,
Внимала я смущенною душой
Его восторженныя рѣчи...
А вотъ кладбище, гдѣ, среди могилъ,
Онъ мнѣ о «вѣчномъ» счастьѣ говорилъ...
А вотъ бесѣдка... вотъ обрывъ завѣтный,
У трехъ березъ знакомая скамья, —
Всѣ тѣ мѣста, гдѣ зрѣла непримѣтно
И разгоралась страсть моя
Лишь для того, чтобъ вспыхнуть на прощанье
Въ тяжелый мигъ послѣдняго свиданья...

Но минулъ годъ, — печальный, долгій годъ, —
И снова здѣсь я съ думою унылой
У этихъ вѣчно-синихъ водъ,
Стою и жду съ тревогой встрѣчи милой
И прошлаго ищу слѣда...
Онъ не идетъ... Когда же... о, когда?..

5-го іюня.

Я видѣла его... я говорила съ нимъ...
И что же? — всѣ мои надежды, ожиданья
Погибли и разсѣялись, какъ дымъ...
О Боже мой! такого ли свиданья
Молила я съ мученьемъ и тоской? —
Какъ онъ спокойно встрѣтился со мной!
Какъ холодно взглянулъ!.. какъ сухо жалъ мнѣ руку!..
Возможно ли!.. и это въ паркѣ! — тамъ,
Гдѣ все на память приводило намъ
Былыя встрѣчи, раннюю разлуку...

Въ его лицо я устремила взоръ. —
Какъ онъ хорошъ! — Должно быть я сначала
Слѣпа была?.. О, какъ до этихъ поръ
Я красоты его не замѣчала!
Какъ будто я сегодня въ первый разъ
Его увидѣла... И, имъ любуясь тайно,
Я съ трепетомъ ловила взглядъ случайный
Его глубокихъ черныхъ глазъ...
Что было тамъ, въ бездонномъ этомъ взорѣ,
Я не могла прочесть: — загадочно-темна
Была его нѣмая глубина,
И мысль моя терялась въ немъ, какъ въ морѣ...

9-го іюня.

Я счастлива была!.. Онъ ласковъ былъ со мною,
Онъ вспоминалъ о прошломъ, о быломъ...
И день былъ такъ хорошъ... Мы шли тропой лѣсною,
Блаженствуя вдвоемъ.

Фіалки отцвѣли, но ландышей дыханье,
Какъ музыка, неслось навстрѣчу намъ;
И шопотъ вѣтерка, и птичекъ щебетанье
Не молкли по кустамъ.

Когда же соловья плѣнительное пѣнье
Вдругъ раздалось въ минутной тишинѣ, —
Боялась я, что вотъ — разсѣется видѣнье,
Что я живу во снѣ!

Но это былъ не сонъ; — я помню образъ милый,
И этотъ лѣсъ, и пѣнье, и цвѣты, —
Все, какъ являли мнѣ своей чудесной силой
Завѣтныя мечты...

О, если-бъ я могла продлить мгновенье въ вѣчность!
Я въ этотъ мигъ душой пережила
Всѣ радости любви, всю страсти безконечность, —
Я счастлива была!..

12-го іюня.

Какъ холодно... Какъ страшно!.. Что со мною?..
О, нѣтъ, то сонъ пустой!.. Возможно-ль наяву
Страдать такъ сильно слабою душою?..
И я не умерла?.. Я все еще живу?!.
«Разстаться мы должны... прощай... мнѣ надоѣли
«Свиданія безъ смысла и безъ цѣли...

«Довольно исполнялъ я прихоти твои,
«Довольно тратилъ время и терпѣнье...
«Я не люблю тебя... И знай, что нѣтъ любви,—
«Есть только страсть и наслажденье...
«Итакъ, прощай, иль мнѣ»... «Прощай!..»—сказала я
И гордо отошла... Ни слезы, ни рыданья
Не измѣнили мнѣ;—покорно грудь моя
Сдержала вздохъ подавленный страданья...
Зато, когда изъ вида скрылся онъ
Среди кустовъ акацій и сирени,—
Безсильно я упала на колѣни...
Хотѣла звать, кричать... но только тихій стонъ
Изъ сердца вырвался... Онъ не любилъ!.. О Боже!
Зачѣмъ же онъ безстыдно увѣрялъ,
Что я ему была всего дороже,
Что мной одной и жилъ онъ, и дышалъ?..
Такъ вотъ она любовь «до гроба», «до могилы»!..
Ахъ, раньше позабыть его могла бы я,
Теперь же поздно, поздно!.. Въ немъ вся жизнь моя!..
Люблю его!.. и разлюбить нѣтъ силы!..

14-го іюня.

День угасалъ. Одна съ моей печалью
Скользила я надъ бездною морской...
Сіяло небо яркой синевой,
Его лазурь съ морской сливалась далью,
И, въ созерцаньи долгомъ и нѣмомъ,
Тонулъ мой взоръ въ пространствѣ голубомъ...
Не правда ли, какою странной властью
Манитъ всегда невѣдомая даль
Въ чудесный край, къ таинственному счастью?—
Въ душѣ моей разсѣялась печаль,
И стихла боль отчаянья и горя
Подъ вѣчный шумъ немолкнущаго моря.

На западъ златой
Я чайкой морской,
Безпечно отдавшись теченью,
Несусь по волнамъ
Къ чужимъ берегамъ,
Къ свободѣ, любви, наслажденью!

Забыта печаль.
Въ безбрежную даль
Смотрю я, полна упованья; —
Тамъ блещетъ въ лучахъ,
Сквозитъ въ облакахъ
Пурпурнаго солнца сіянье!

Я къ счастью туда
Умчусь навсегда
Отъ скорби, тоски и мученья,
Иль — въ безднѣ морской
Найду мой покой,
Желанный покой и забвенье!

Лилася пѣснь все шире, все сильнѣй...
Аккорды волнъ смѣшалися, ей вторя,
Въ одну гармонію; но не слыхало море,
Не поняло мольбы моей
И, повинуясь волѣ Провидѣнья,
Мнѣ не дало ни счастья, ни забвенья...

23-го іюня (Вечеръ на Ивана Купалу).

Съ утра поля покрылъ туманъ свинцовый,
Окрестности неясны и блѣдны,
И море приняло оттѣнокъ новый —
Опаловой прозрачной бѣлизны.

Сегодня, въ ночь волшебную гаданья,
Со дна его волнующихся водъ
Завьется въ блескѣ луннаго сіянья
Утопленницъ воздушный хороводъ.

И если-бъ я рѣшилась въ міръ подводный
Уйти навѣкъ отъ горестей земныхъ,—
Теперь счастливой, гордой и свободной
Вилась бы я въ кругу сестеръ моихъ.

Вѣнокъ купальскій въ море брошенъ мною,—
Я грустнымъ взоромъ слѣдую за нимъ...
Онъ, зеленѣя темною листвою,
Мнѣ изумрудомъ кажется живымъ...

Какъ бѣшено кружитъ его теченье!
Вотъ, разрѣзая бѣлую волну,
Онъ показался, скрывшись на мгновенье...
Вновь вынырнулъ и... канулъ въ глубину!

22-го іюля.

Блистающій средь сумрака ночного—
Горѣлъ огнями Петергофъ.
Громадная толпа гудѣла безтолково
И, вырвавшись изъ мраморныхъ оковъ,
Взметая вверхъ клубы алмазной пыли,
Струи фонтановъ пламенныя били.
Роскошныя гирлянды фонарей
Повиснули причудливо и ярко
На темной зелени вѣтвей,
Какъ пестрые цвѣты диковиннаго парка—
Сверкая въ глубинѣ аллей,
И въ зеркалѣ прудовъ, обманывая взоры,
Сливалися въ волшебные узоры.

Я шла, безвольно руки опустивъ,
Подъ гнетомъ грусти безконечной...
Въ душѣ моей все росъ тоски приливъ,
Среди толпы довольной и безпечной.
Бенгальскаго огня зелено-красный свѣтъ,
Веселый говоръ, смѣхъ и громкій трескъ ракетъ,
Все то, что прежде было мнѣ такъ мило,
Теперь меня терзало и томило...
Вдругъ прогремѣлъ оркестра первый взрывъ
И странной болью въ сердцѣ отозвался...
Еще аккордъ... Но, въ воздухѣ застывъ,
Онъ замеръ въ мигъ, — и тихій вальсъ раздался...

Я музыку люблю, какъ солнце, какъ цвѣты;
Она ласкаетъ слухъ и, душу услаждая,
Уноситъ въ даль крылатыя мечты...
Но въ этотъ мигъ, напѣву струнъ внимая,
Я плакала... Веселья каждый звукъ
Во мнѣ рождалъ такъ много новыхъ мукъ; —
И подъ мотивъ, исполненный печали,
Въ груди слова унылыя звучали:

О, вѣрь мнѣ, страданье мое безконечно,
Все сердце изныло безумной тоской!..
Люблю, — и любить тебя буду я вѣчно,
Въ тебѣ мое счастье и жизнь, и покой.

Душа моя рвется къ тебѣ!.. Я готова
Повѣрить любви обольстительнымъ снамъ;
За мигъ упоенья, за призракъ былого
Я лучшіе годы съ восторгомъ отдамъ!

О, вѣрь мнѣ, молчанье твое безсердечно,
Ты видишь, — я плачу, я мучусь, любя!..

Люблю — и любить тебя буду я вѣчно,
Я жить и дышать не могу безъ тебя!..

Кончался фейерверкъ, но вальсъ не умолкалъ
И повторялся хоромъ въ отдаленьѣ...
А предо мной невольно возставалъ
Души моей завѣтный идеалъ,
Неотразимое видѣнье.
И, въ обаяньи рѣзкой красоты,
Мнѣ видѣлись знакомыя черты.
Мнѣ чудился любимый образъ стройный,
Улыбка дерзкая прекраснаго лица.
И этотъ взглядъ, и бархатный, и знойный,
Сулившій мнѣ блаженство безъ конца!

29-го іюля.

Баронъ фонъ Л. просилъ руки моей.
Онъ некрасивъ, не очень молодъ тоже
(Я на семнадцать лѣтъ его моложе),
Но, кажется, любитъ меня сильнѣй,
Чѣмъ любитъ онъ, никто не въ состояньѣ.
Мнѣ нравится почтительность его,
Глубокое слѣпое обожанье;
Онъ отъ меня не проситъ ничего
И все даетъ. — Лишь счастья одного
Не въ силахъ дать... О, если-бъ можно было
Прошедшее отъ сердца оторвать, —
Я ожила бы вновь и вновь бы полюбила...
Но не сотрутъ ни время, ни могила
Неизгладимую печать...
Какъ грустно было мнѣ, когда онъ ждалъ отвѣта,
Въ лицо мое смотрѣлъ и говорилъ, любя:
«Довѣрься мнѣ. Я увезу тебя
«Въ Италію, страну тепла и свѣта;

«Тамъ, вдалекѣ отъ холода и вьюгъ,
«Разсѣется мучительный недугъ
«Твоей тоски необъяснимой,
«Тамъ проведу я много чудныхъ дней
«Съ тобой, возлюбленной моей,
«Моей женой боготворимой...

«Ты любишь красоту; — мы посѣтимъ:
«Венецію, Неаполь, вѣчный Римъ,
«Гдѣ геніемъ безсмертнаго искусства,
«Въ созданья дивныя слилися мысль и чувство...
«Лишь захоти, и все тебѣ я дамъ: —
«Богатство, роскошь, блескъ и поклоненье,
«Моей любви восторги и мученье,
«Все принесу къ твоимъ ногамъ!»

И вотъ невѣста я... Какъ странно это слово
Звучитъ въ ушахъ моихъ... Какъ дико и смѣшно
Мнѣ кажется... Но что-жъ, — теперь мнѣ все равно.
Мнѣ счастья не вернуть былого...

1-го августа.

Я встрѣтила его на берегу,
И мнѣ шепнуть успѣлъ онъ на прощанье:
«Сегодня... въ полночь... къ дубу»... Какъ свиданье
Онъ смѣлъ просить, — понять я не могу!
Иль съ той поры, какъ я женой другого
Рѣшилась быть, я вновь ему мила?
Иль хочетъ онъ, чтобъ сила страсти снова
Во мнѣ и долгъ, и честь превозмогла?
Какой самообманъ, какое заблужденье!
Ужель онъ думаетъ, что я всю жизнь мою
Для прихоти того безпечно разобью,
Кто признаетъ лишь «страсть и наслажденье»?

Ужь я не та, я не поддамся вновь,
Я докажу ему, что есть иная —
Святая, чистая, высокая любовь,
Что прошлое забвенью предала я.

Одиннадцать ужъ пробило давно...
Какъ душно въ комнатѣ... Сейчасъ въ мое окно
Тяжелый жукъ ударился съ гудѣньемъ
И улетѣлъ... И снова тишина
Томитъ меня тоской и нетерпѣньемъ...
Недвижная сижу я у окна...
Какая ночь!.. Сребристое сіянье,
Клубясь, какъ дымъ, ложится на поля,
И, кажется, весь міръ, и небо, и земля —
Все замерло въ тревожномъ ожиданьѣ...
Безмолвный паркъ, мечтаній тайныхъ полнъ,
Не шелеститъ листвой завороженной...
Издалека несутся вздохи волнъ
И моря ропотъ возбужденный...
А я смотрю и жду, и рвусь туда,
Куда летятъ всѣ мысли, всѣ желанья...
Какъ сильно ароматъ разноситъ резеда...
И лиліи не спятъ, — ихъ жаркаго дыханья
Пахнула мнѣ въ лицо душистая струя...
Чу!.. полночь бьетъ!.. Уже!.. А тамъ что слышу я?..
То вѣтра шумъ, иль шопотъ заклинанья?
Иль гіацинтовъ чудный звонъ?..
То счастья зовъ, иль арфы лепетанье?..
Иль безъисходной муки стонъ?..
Вонзаясь въ грудь, невольно, силой властной,
Огнемъ невѣдомымъ и нѣгой сладострастной
Мнѣ душу наполняетъ онъ...
Туда, туда!.. къ блаженству упоенья!..
«Лишь захоти... и все тебѣ я дамъ...
«Богатство... роскошь... блескъ... и поклоненье»...

Что въ нихъ?.. Туманнымъ будущимъ годамъ
Пожертвую-ль минутою забвенья?..
Чего мнѣ ждать? — Безцвѣтной и пустой
Промчится жизнь... Лишь мелкія ненастья,
Лишь проблескъ радости мнѣ принесетъ съ собой...
Отдамъ ли я отрады мигъ живой
За эти годы полусчастья?..
Меня страшитъ покой и пустота...
Когда мои горячія уста
Коснулись жадно чаши наслажденья
И очи ослѣпилъ любви могучій свѣтъ, —
Я поняла, что мнѣ возврата нѣтъ,
Что невозможно отступленье, —
Но я еще надѣялась, ждала...
Боролась... мучалась... и страсть меня сожгла!..
Я вижу, — поздно!.. нѣтъ спасенья!..
Смѣшалось все въ болѣзненномъ бреду...
Скорѣй!.. туда... къ блаженству упоенья!..
Онъ тамъ... онъ ждетъ меня... иду!..

1890.

1891.

ВЕЧЕРНЯЯ ЗВѢЗДА.

(Изъ Мюссэ).

Ты, чистая звѣзда, скажи мнѣ, есть ли тамъ,
Въ селеніяхъ твоихъ забвенье и покой?
Когда угаснетъ жизнь — къ далекимъ небесамъ
Могу ли унестись отъ сѣни гробовой?

Скажи, найду ли я среди твоихъ высотъ
Всѣхъ сердцу дорогихъ, кого любилъ я тутъ?
О, если да, — направь души моей полетъ
Туда, въ иную жизнь, въ лазурный твой пріютъ!

ПЕРВАЯ ГРОЗА.

Дождя дождалася природа; —
Лѣса шумятъ: «гроза идетъ!»
Защитой каменнаго свода
Манитъ меня прохладный гротъ.
Вхожу... Темно и душно стало...
Вотъ звучно грянулъ первый громъ...
Его раскатамъ я внимала,
Томясь въ убѣжищѣ своемъ.
То не грозы ли обаянье
Такъ взволновать меня могло?..
Вдругъ чье-то жаркое дыханье
Мнѣ грудь и плечи обожгло...
За мигъ блаженства — вѣкъ страданья!..

Съ тѣхъ поръ, услыша дальній громъ,
Я не могу сдержать волненья, —
Онъ будитъ тайныя видѣнья
Въ воспоминаніи моемъ...
Болитъ душа моя!.. Тоскою
Тѣснится грудь... и плачу я...
Ужели первою грозою
Вся жизнь изломана моя?!

НЕЗВАНЫЕ ГОСТИ.

Подъ легкій смѣхъ и тайный разговоръ,
Проходятъ маски вереницей длинной...
Сіяетъ залъ... И вотъ, съ высокихъ хоръ
Томительно полился вальсъ старинный...

Къ печальной нимфѣ съ лиліей въ кудряхъ —
Подходитъ рыцарь съ спущеннымъ забраломъ
И, вмѣстѣ съ ней, смѣшался съ карнаваломъ,
Воздушный станъ ея обнявъ.

— «Красавица, съ вами я вижусь впервые,
Но взглядъ вашихъ грустныхъ и пламенныхъ глазъ
Невольно напомнилъ мнѣ годы былые,
Свиданья въ полуночный часъ...
На ту, о которой, безумно тоскуя,
Ни ночью, ни днемъ позабыть не могу я,
Есть что-то похожее въ васъ». —

— «Нѣтъ, рыцарь, то вальсъ такъ волнуетъ мечтанья!
Вѣдь та, о которой ни ночью, ни днемъ
Забыть вы не въ силахъ, — позоръ и страданья
На днѣ позабыла рѣчномъ...
Оставимъ же мертвымъ покой и забвенье
Подъ вальса манящаго тихое пѣнье
Такъ сладко кружиться вдвоемъ!...» —

4*

И длится вальсъ; томительно и нѣжно
Звучитъ его ласкающій мотивъ.
Вотъ Мефистофель, съ граціей небрежной
Въ полупоклонъ свой гибкій станъ склонивъ,
Уводитъ маску въ бѣломъ покрывалѣ
И съ четками у пояса; одна,
Вдали отъ всѣхъ, на этомъ шумномъ балѣ
Была покинута она.

— «Сударыня, васъ ли въ простомъ одѣяньи
Смиренной монахини, вижу теперь?
Надѣетесь, вѣрно, что ключъ покаянья
Отворитъ вамъ райскую дверь?
Ха, ха! Ну, туда-то васъ пустятъ едва ли, —
Не смоется съ ручекъ невинная кровь...
Повѣрьте, навѣки насъ вмѣстѣ сковали
Судьба и преступная наша любовь...
Меня вы узнали-ль? — Сообщникъ вашъ нынѣ
Нежданно предсталъ въ мефистофельскомъ чинѣ —
Предъ вашими взорами вновь!

Вы думали, тайну сокроетъ могила,
Но, видите, здѣсь я!... я съ вами опять!..
Теперь ни земная, ни адская сила
Меня не заставитъ добычу отдать!
Повѣрьте, небесъ не смягчить вамъ мольбою,
Слезами и бдѣньемъ, и долгимъ постомъ, —
Ужъ мѣсто для васъ приготовлено мною
Въ таинственномъ царствѣ моемъ...
Теперь же, да здравствуетъ мигъ упоенья!
Подъ вальса манящаго тихое пѣнье
Такъ сладко кружиться вдвоемъ!»

И длится вальсъ... — «Мой другъ, мнѣ страшно стало! —
Хозяйка дома мужу говоритъ. —

— О, прекрати забаву карнавала...
Моя душа и ноетъ, и болитъ!..
Нездѣшнія и странныя все лица
Подъ масками сокрыты у гостей...
О, скоро ли проглянетъ лучъ денницы?..
Тоска и страхъ въ груди моей!»... —

Смѣется мужъ... И длится вальсъ старинный,
Его напѣвъ несется съ темныхъ хоръ,
И пляшутъ маски медленно и чинно,
Подъ легкій смѣхъ и тайный разговоръ...

---

* * *

Если смотрю я на звѣзды — въ ихъ вѣчномъ сіяньѣ
Жизни безсмертной иной — вижу чудесный залогъ.
Тихо слетаетъ мнѣ въ душу тогда упованье,
Дальше бѣгутъ отъ меня мрачныя тѣни тревогъ.

Только зачѣмъ эти тучи? — Онѣ, застилая
Небо и звѣзды мои, тьмой безпросвѣтной гнетутъ.
Боже, разсѣй ихъ скорѣе! — пусть вѣра былая
Снова мечты унесетъ въ свѣтлый небесный пріютъ!

Если я любящимъ взоромъ, любя безконечно,
Въ милыя очи гляжу, — сладко становится мнѣ; —
Вѣрю тогда, что разлука не можетъ быть вѣчна, —
Пламя безсмертной души свѣтится въ ихъ глубинѣ.

Но отчего-жъ безъ тебя мнѣ такъ больно, такъ скучно,
Будто наутро съ тобой я не увижусь опять?
Значитъ, не правда-ль, съ любовью тоска неразлучна,
Значитъ, нельзя на землѣ полнаго счастья искать?

9-го декабря.

1892.

* * *

Мѣсяцъ серебряный смотрится въ волны морскія,
Отблескъ сіянья ложится на нихъ полосою;
Свѣтлый далеко раскинулся путь передъ нами, —
Къ счастью ведетъ онъ, къ блаженному счастью земному.

Милый, нашъ челнъ на него мы направимъ смѣлѣе!
Что намъ тревожиться страхомъ напраснымъ заранѣ?
Видишь, какъ я и тверда, и спокойна душою,
Вѣря, что скоро достигнемъ мы берегъ желанный. .
Тьма ли наступитъ въ безлунныя лѣтнія ночи, —
Что мнѣ грустить, — если будутъ горѣть мнѣ во мракѣ
Чудныхъ очей твоихъ огненно-черныя звѣзды,
Если любовью, какъ солнцемъ, нашъ путь озарится?
Станетъ ли вѣтеръ вздымать непокорныя волны, —
Что мнѣ до бури, до рифовъ и камней подводныхъ, —
Если съ тобою всегда умереть я готова,
Если съ тобою и гибель была бы блаженствомъ!

11-го января.

СОНЪ ВЕСТАЛКИ.

На покатыя плечи упала волна
Золотисто-каштановыхъ косъ...
Тихо зыблется грудь, и играетъ луна
На лицѣ и на глянцѣ волосъ.

Упоительный сонъ и горячъ, и глубокъ,
Чуть алѣетъ румянецъ ланитъ...
Бѣлыхъ лилій ея позабытый вѣнокъ
Увядаетъ на мраморѣ плитъ.

Но какая мечта взволновала ей грудь,
Отчего улыбнулась она?
Или запахъ цвѣтовъ не даетъ ей уснуть
Въ свѣтлыхъ грезахъ покойнаго сна?..

Снится ей, — весь зеленымъ плющомъ обвитой,
Въ колесницѣ на тиграхъ ручныхъ
Ѣдетъ Вакхъ, ѣдетъ радости богъ молодой
Средь вакханокъ и фавновъ своихъ.

Беззаботныя рѣчи, и пѣнье, и смѣхъ,
Опьяняющій розъ ароматъ —
Ей невѣдомый міръ незнакомыхъ утѣхъ,
Наслажденья и счастья сулятъ.

Снится ей: чернокудрый красавецъ встаетъ,
Пестрой шкурой окутавъ плечо,
Къ ней склоняется... смотритъ... смѣется... и вотъ —
Онъ цѣлуетъ ее горячо!

Поцѣлуй этотъ страстью ей душу прожегъ,
Въ упоеньи проснулась она...
Но исчезъ, какъ въ туманѣ, смѣющійся богъ,
Богъ веселья, любви и вина...

Лишь откуда-то къ ней доносились во храмъ
Звуки чуждые флейтъ и кимвалъ,
Да въ кадильницахъ Весты потухъ ѳиміамъ...
И священный огонь угасалъ.

13-го февраля.

ПРОЩАНІЕ КОРОЛЕВЫ.

— Боже, какъ тягостенъ мигъ разставанія!
Мужъ и король мой, прости!
Вѣрь я безропотно всѣ испытанія,
Милый, готова нести.

Вѣрь, не погибнетъ въ тоскѣ и безсиліи
Преданность въ сердцѣ моемъ, —
Вышью тебѣ я три бѣлыя лиліи,
Плащъ твой украшу гербомъ.

Буду я съ башни смотрѣть въ ожиданіи,
Нѣтъ ли герольда вдали,
Не посылаетъ ли вѣсть о свиданіи
Милый изъ чуждой земли.

Если увижу въ окно потаенное
Пыль на дорогѣ большой, —
Трепетно сердце забьется влюбленное,
Снова воскресну душой!

Вышлю навстрѣчу я пажа проворнаго,
Свиту отправлю свою...
Мрачныя думы предчувствія чернаго
Глубже въ себѣ затаю.

Если услышу, что, — павши въ сраженіи, —
Милый погибъ для меня,
Плакать не стану въ безплодномъ мученіи,
Жизнь безразсудно кляня.

Съ сѣрой стѣною обитель священную
Видишь на холмѣ крутомъ? —
Тамъ я обоимъ намъ участь блаженную
Вымолю долгимъ постомъ...

Крѣпче меня обними на прощаніе...
Труденъ нашъ жребій земной...
Будемъ же вѣрить въ отраду свиданія
Здѣсь — или въ жизни иной! —

17-го февраля.

ВЕСЕННЯЯ СКАЗКА.

Давно кого-то ждетъ Царица Мая,
Кого-то ищетъ взоръ ея влюбленный, —
Идетъ она по рощѣ отдаленной,
Съ головки свѣтлой ландыши роняя.

Тамъ съ нею долго ждалъ желанной встрѣчи
Іюнь, — красавецъ съ томными очами,
Но, встрѣтившись, они смутились сами,
Отъ страстныхъ думъ не находили рѣчи...

Заворoживъ сердца истомой сладкой,
Ихъ здѣсь свела невѣдомая сила; —
Она рѣсницы скромно опустила,
А онъ шепнулъ: «люблю тебя!» украдкой.

Вся трепеща въ восторгѣ безконечномъ,
Смущенная и робкая сначала:
— «Люблю тебя!» — Царица отвѣчала, —
И души ихъ слились въ блаженствѣ вѣчномъ...

И тихо обнялъ станъ Царицы Мая
Іюнь, — красавецъ съ томными очами,
И шли они, куда — не зная сами,
Куда любовь манила молодая.

И шли они, и скрылись за кустами
Черемухи душистой и сирени...
И палъ тогда предъ милой на колѣни
Іюнь, — красавецъ съ томными очами...

*

— «Вы знаете-ль, — поютъ цвѣтамъ стрекозы,—
Гдѣ были мы, откуда прилетѣли?
Мы ткали пологъ дѣтской колыбели
Изъ лепестковъ осыпавшейся розы.

Его раздвинетъ мальчикъ темноокій,
Дитя Іюль съ кудрями золотыми,
Когда лучами жгучими своими
Разбудитъ солнце сонъ его глубокій.

И скажутъ люди: лѣто наступило,
Затѣмъ что дни и жарки, и прекрасны,
Затѣмъ что ночи душныя безгласны,
Загадочно-безмолвны, какъ могила...».

АСТРА.

Въ день ненастный астра полевая
Къ небесамъ свой вѣнчикъ подняла
И молила, солнце призывая,
Въ страстной жаждѣ свѣта и тепла:
    — «О, владыка дня,
    Оживи меня! —
Я твоимъ сіяніемъ жила...»

*

И природы вѣчное свѣтило,
Внявъ мольбамъ продрогшихъ лепестковъ,
Вновь улыбкой землю озарило,
Сбросивъ тучи мертвенный покровъ...
    Тьмы и хлада нѣтъ, —
    Ярко блещетъ свѣтъ
Сквозь завѣсу влажныхъ облаковъ.

*

Но головку солнцу подставляя,
Подъ его губительнымъ огнемъ
Стала блекнуть астра полевая,
Все твердя въ безуміи своемъ:

О, еще, молю!
Я твой свѣтъ люблю,
Жизнь моя и упоенье въ немъ!..

*

И когда спустилась мгла ночная,
И закрыли небо облака,
Облетѣли, землю усыпая,
Лепестки увядшаго цвѣтка...
Если счастья часъ
Убиваетъ насъ,—
Эта смерть блаженна и легка!

---

* * *

Ты мнѣ сказалъ: «люблю!» и вѣрить я готова,
Зачѣмъ же возстаютъ страданья прошлыхъ дней?
Зачѣмъ не въ силахъ я забыть ни слезъ былого,
Ни боль тоски моей?

Отъ тайнаго огня, отъ мукъ любви сгорая,
Ждала такъ долго я, судьбу свою кляня...
И вотъ, о, наконецъ, небесный отзвукъ рая
Донесся до меня!

Ты мнѣ сказалъ: «люблю!»—чарующее слово!..
О сердце, оживи!—люби, надѣйся, вѣрь!
Разсудокъ, замолчи,—не вспоминай былого,—
Я счастлива теперь!

21-го марта.

ПОДЪ ВПЕЧАТЛѢНІЕМЪ СОНАТЫ БЕТХОВЕНА.

«Quasi una fantasia».

I.

Откуда этотъ тихій звонъ? —
Онъ въ сердцѣ съ болью отозвался...
То лиру тронулъ Аполлонъ,
Иль филомелы гимнъ раздался?..
О, нѣтъ, то гулкій бой часовъ
Съ высокой башни къ намъ несется...
Чье сердце страхомъ не сожмется,
Услыша смерти близкой зовъ!
Порвется жизни нашей нить,—
Спѣшите-жъ ею насладиться,
Спѣшите юностью упиться,
Любить, страдать,—страдать, любить!

*

Мы измѣнить не властны тутъ
Святую волю Провидѣнья;
Они летятъ, они бѣгутъ —

Неуловимыя мгновенья...
За часомъ часъ, и день за днемъ,
Пройдутъ вѣка, тысячелѣтья...
За гробомъ буду ли жалѣть я
О жизни, счастьѣ... обо всемъ?..
Плыветъ волна, скользитъ волна,—
Куда, откуда? — Нѣтъ отвѣта.
Глубокой вѣчность мглой одѣта
И неразгаданна она...

II.

Я знаю, меня не покинешь ты вѣчно,—
Но все же разлука всегда безконечна,
И какъ ты ни близокъ, о милый, со мною,—
Грозитъ она встать между нами стѣною...

О, если бъ могла я любовью земною
Связать мою душу съ душою родною,
Изъ міра печали, вражды, преступленья —
Въ надзвѣздныя вмѣстѣ умчаться селенья!

Унылыхъ часовъ не боюся я зова,
И смерть я съ улыбкою встрѣтить готова,
Я вѣрю, что души, любившія много,
Сойдутся за гробомъ, по благости Бога.

О, если бы слиться могла я съ тобою,
Зажечься навѣки звѣздой голубою —
Въ краю, недоступномъ для слезъ разставанья,
Гдѣ время безсильно,— и вѣчно свиданье!

22-го апрѣля.

ПОДРУГѢ.

За смоль эбеновыхъ волосъ,
За эти кудри завитыя,
Я-бъ волны отдала густыя
Своихъ тяжелыхъ русыхъ косъ.

И дѣтски-звонкій лепетъ мой
Отдамъ за голосъ незабвенный,
Твой голосъ,—низкій и грудной,
Какъ шопотъ страсти сокровенной.

Мой взоръ горящій каждый разъ
Тускнѣетъ, встрѣтясь съ долгимъ взоромъ
Твоихъ печальныхъ темныхъ глазъ,
Какъ передъ мрачнымъ приговоромъ.

Очей твоихъ нѣмая ночь
Смущаетъ тайною своею...
Я не могу тебѣ помочь,
Я разгадать тебя не смѣю!..

Но если злобы клевета
Тебя не минетъ, вѣрь,—едва ли
Тебя осудятъ тѣ уста,
Что такъ недавно цѣловали.

5*

ПОДЪ ЗВУКИ ВАЛЬСА.

Въ корсажѣ голубомъ, воздушна и стройна,
Какъ свѣтлый эльфъ, явилася она
И стала посреди арены...
Весь блестками усыпанъ тонкій станъ,
Скрываетъ блѣдность слой румянъ,
И гибкіе трико обтягиваетъ члены.
Пославъ небрежный публикѣ привѣтъ,
Къ трапеціи, подъ громъ рукоплесканья,
Она приблизилась... Лазурный, мягкій свѣтъ
Былъ брошенъ на нее, какъ лунное сіянье;
Одной рукой взяла она канатъ
И тихо подыматься стала,
Слегка откинувшись назадъ,
Все выше, выше... Нѣжно зазвучала
Въ оркестрѣ арфа; страстно ей вослѣдъ
Пѣвучихъ скрипокъ несся лепетъ знойный
И лился трепетно лазурный, мягкій свѣтъ...
И вотъ на высотѣ съ улыбкою спокойной
Надъ бездною повиснула она,
Вся изъ лучей какъ будто создана...

Но изъ толпы безпечно-равнодушной,
Не отрываясь ни на мигъ,
Чей взоръ слѣдитъ ея полетъ воздушный?—
Знакомый взглядъ, знакомый ликъ!..

И вспомнила она тѣнистыя аллеи,
Гирляндами плюща увитый старый домъ,
Дерновую скамью у мраморной Психеи
И кущи бѣлыхъ розъ, разросшихся кругомъ...
На бархатъ и атласъ въ таинственномъ покоѣ
Струится лунный свѣтъ съ небесной высоты,
Блѣднитъ его лицо безумно-дорогое,
Прекрасныя и гордыя черты...
Но близокъ часъ зари, рѣдѣетъ мракъ алькова,—
И съ шелестомъ вѣтвей, и съ щебетаньемъ птицъ,
Врывается въ окно лучъ утра золотого,
Свѣвая сладкій сонъ съ опущенныхъ рѣсницъ.
И дрогнули онѣ въ минуту пробужденья,
Огонь двухъ черныхъ глазъ зажегся страстью вновь...
О, гдѣ ты, сонъ любви, блаженныя видѣнья,
Гдѣ запахъ бѣлыхъ розъ, и солнце, и любовь?

И думою терзаясь безпокойной,
Склоня головку на плечо,
Она забылася... И несся горячо
Пѣвучихъ скрипокъ лепетъ знойный...
И вскрикнуть ей хотѣлось:—о, прости!
Въ прощеньи лишь возможно миръ найти...

О, вспомни радость прежнихъ дней,
Волшебный сонъ былого счастья,
Всю страсть, весь жаръ любви твоей,
Все упоенье сладострастья!

О, вспомни боль тоски нѣмой,
Минутъ тяжелыхъ испытанья,
Покорность въ ревности самой,
Въ самомъ безуміи страданья!..
О, вспомни свѣтлыя мечты,

Все, что слилось съ душой моею,
Все, что забылъ такъ скоро ты
И что забыть я не умѣю!

Подъ тихій вальсъ очнувшися опять,
Качаясь съ граціей свободной,
Она старалася поймать
Тотъ взглядъ пытливый и холодный.
И взоры встрѣтились... Что нѣжные глаза
Въ глазахъ знакомыхъ прочитали,
Осталось тайною, и жгучая слеза
Страданье выдала едва-ли...
Но выше лишь качавшійся канатъ
Подъ легкой ношею вздымался...
Еще одинъ послѣдній взглядъ,—
И... крикъ пронзительный раздался
Средь наступившей тишины...
И что-то свѣтлое, какъ чистый лучъ луны,
Мелькнуло въ воздухѣ... Подъ шумъ и ликованье,
Окончивъ путь тяжелый испытанья,
Какъ яркая падучая звѣзда,
Она, блеснувъ на мигъ,—померкла навсегда...

1892
10-го ноября.

ПѢСНЬ ТОРЖЕСТВУЮЩЕЙ ЛЮБВИ.

Мы вмѣстѣ наконецъ!.. Мы счастливы, какъ боги!..
Намъ хорошо вдвоемъ!
И если насъ гроза настигнетъ по дорогѣ, —
Меня накроешь ты подъ вѣтромъ и дождемъ
Своимъ плащомъ!

И если рѣзвый ключъ или потокъ мятежный,
Мы встрѣтимъ на пути, —
Ты на рукахъ своихъ возьмешь съ любовью нѣжной
Чрезъ волны бурныя меня перенести, —
Меня спасти!

И даже смерть меня не разлучитъ съ тобою,
Повѣрь моимъ словамъ;
Уснешь ли вѣчнымъ сномъ, — я жизнь мою, съ мольбою,
Съ послѣдней ласкою прильнувъ къ твоимъ устамъ,
Тебѣ отдамъ!

1892
20-го ноября

---

*
* *

Поймутъ ли страстный лепетъ мой,
Порывы пламенныхъ мечтаній,
Огонь несбыточныхъ желаній,
Горячій бредъ тоски больной?

Ужель твоя душа одна
Мои стремленья не осудитъ,
И для тебя лишь ясной будетъ
Туманныхъ мыслей глубина?

Быть можетъ—да, быть можетъ—нѣтъ,
Но сердце ждетъ съ надеждой вѣчной—
Иль здѣсь, иль въ жизни безконечной,
Желанный услыхать привѣтъ.

7-го декабря.

1893 г.

*
* *

Что ищемъ мы въ бальномъ сіяніи,
Цвѣты и алмазы надѣвъ,
Кружася въ чаду ликованія,
Подъ нѣжащій вальса напѣвъ?—
Въ чарующемъ снѣ упоенія,
Подъ говоръ, веселье и смѣхъ—
Забвенія, только забвенія,
Мы ищемъ средь шумныхъ утѣхъ!

Что жаждемъ мы въ жаркомъ лобзаніи,
Въ блаженствѣ и мукахъ любви,
Когда безразсудство желанія
Огонь зажигаетъ въ крови?—
Отбросивъ тоску и сомнѣнія,
И смерти мучительный страхъ,—
Забвенія, только забвенія,
Мы ищемъ на милыхъ устахъ!

Пусть манятъ насъ грезы чудесныя
Въ волшебный невѣдомый край,
Восторги сулятъ неизвѣстные,
Дарятъ намъ потерянный рай,

И въ сладостный мигъ вдохновенія
Намъ шепчутъ плѣнительный стихъ,—
Забвенія, только забвенія,
Мы ищемъ въ мечтаньяхъ своихъ!

6-го января.

---

* * *

Нѣтъ, мнѣ не надо ни солнца, ни яркой лазури,
Шелеста листьевъ и пѣнія птицъ не хочу я;
Все здѣсь измѣнчиво, все здѣсь коварно и ложно,—
Дальше отъ міра—отъ зла и страданія дальше.
Будемъ мы жить въ глубинѣ недоступной пещеры,—
Камнемъ тяжелымъ задвинется выходъ за нами,
И, вмѣсто факеловъ брачныхъ, огнями цвѣтными
Вспыхнутъ во мракѣ рубины, сапфиры, алмазы...
Тамъ не коснутся земныя тревоги и бури
Нашего счастья,—его мы ревниво сокроемъ,
И среди ночи нѣмого подземнаго царства—
Будемъ мы двое, и будетъ любовь между нами.
Тайну открою тебѣ... О, вглядися мнѣ въ очи!
Знаешь, кто я?—я—царица поземнаго міра!..
Мнѣ же подвластны прилежные старые гномы,—
Это они намъ въ скалѣ прорубили пещеру...

6-го января.

СРЕДИ ЛИЛІЙ И РОЗЪ.

Я искала его среди лилій и розъ,
Я искала его среди лилій...
И донесся изъ міра видѣній и грезъ
Тихій шелестъ таинственныхъ крылій...

И слетѣлъ онъ ко мнѣ,—онъ въ одеждѣ своей
Изъ тумана и мглы непросвѣтной,
Лишь вѣнецъ серебристый изъ лунныхъ лучей
Освѣщалъ его образъ привѣтный...

Чуть касаясь стопами полночныхъ цвѣтовъ,
Мы летѣли подъ сумракомъ ночи;
Развѣвался за нимъ его темный покровъ,
И мерцали глубокія очи...

Мы скользили надъ зыбкой морскою волной,
Обнимаясь четой беззаботной;—
Отражался въ водѣ его ликъ неземной,
Отражался въ ней образъ безплотный.

Выше, выше, къ созвѣздьямъ далекихъ свѣтилъ,
Мы неслись надъ зіяющей бездной,—
Онъ о вѣчномъ блаженствѣ со мной говорилъ,
Говорилъ мнѣ о жизни надзвѣздной...

Но лишь первой улыбкой зари золотой
Занялись снѣговыя вершины,—
Мы спустились на землю влюбленной четой
Надъ обрывомъ бездонной пучины.

И гдѣ бурныя волны, дробясь объ утесъ,
Бьются съ ревомъ безплодныхъ усилій,—
Онъ пропалъ, онъ исчезъ... легкій вѣтеръ унесъ
Тихій шумъ его рѣющихъ крылій...

И безумной слыву я съ тѣхъ поръ, оттого
Что незримаго друга люблю я,
Что мнѣ съ вѣтромъ доносится шопотъ его,
Дуновенье его поцѣлуя...

Пусть непонятой буду я въ мірѣ земномъ,—
Я готова страдать терпѣливо,
Если рай нахожу я въ безумьи своемъ,
Если бредомъ своимъ я счастлива!

Ахъ, не плачьте!.. Не надо мнѣ вздоховъ и слезъ...
Вы—тоскуя, какъ я,—не любили!..
Схороните меня среди лилій и розъ,
Схороните меня среди лилій...

Онъ склонится, развѣетъ таинственный сонъ
Среди лилій и розъ погребенной,
И воскресну тогда я безплотной, какъ онъ,
И сольюсь съ нимъ душой окрыленной!

4-го марта.

ЭЛЕГІЯ.

Я умереть хочу весной,
Съ возвратомъ радостнаго мая,
Когда весь міръ передо мной
Воскреснетъ вновь, благоухая.

На все, что въ жизни я люблю,
Взглянувъ тогда съ улыбкой ясной,—
Я смерть свою благословлю—
И назову ее прекрасной.

5-го марта.

ОКОВАННЫЯ КРЫЛЬЯ.

Была пора, когда могла
Я жить, паря въ лазурной дали,
Когда могучихъ два крыла
Меня съ земли приподымали.

Но вотъ я встрѣтила тебя...
Любви неодолима сила!—
И крылья я свои сложила,
Чтобъ жить страдая и любя...

Съ тѣхъ поръ напрасно къ свѣтлой дали
Стремитъ души своей полетъ,—
Мнѣ крылья легкія сковали
Любовь и гнетъ земныхъ заботъ.

Но, жизнь мою связавъ съ твоею,
Я не могу роптать, о, нѣтъ!
Пока мнѣ счастья блещетъ свѣтъ—
О небесахъ я не жалѣю.

Когда же страсть въ твоей груди
Смѣнится холодомъ безсилья,—
Тогда, молю, освободи
Мои окованныя крылья!

27-го іюня.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Вечеръ насталъ, притаились ручьи,
Гаснетъ сіянье зарницъ;
Нѣжно упала на щечки твои
Тѣнь шелковистыхъ рѣсницъ.

Въ дальнемъ лѣсу на прощанье свирѣль
Трель отзвучала свою...
Тихо качая твою колыбель,
Пѣсню тебѣ я пою.

Долго, любуясь тобой передъ сномъ,
Я созерцаю, любя, —
Небо во взорѣ невинномъ твоемъ,
Рай мой въ глазахъ у тебя.

Долго смотрю я на ангельскій ликъ:
— «Милый, твержу я, грустя,
Ты еще крошка, а свѣтъ такъ великъ...
Будешь ли счастливъ, дитя?» —

Видитъ лишь мѣсяцъ средь темныхъ ночей
Чтò я на сердцѣ таю;
Шлетъ онъ мнѣ снопъ серебристыхъ лучей,
Слушаетъ пѣсню мою...

Спи, не одна я счастливой судьбой
Бодрствую въ мракѣ ночномъ, —
Ангелъ-хранитель твой бдитъ надъ тобой
И осѣняетъ крыломъ.

11-го сентября.

ВО СНѢ.

Мнѣ снилося, что яблони цвѣли,
Что были мы дѣтьми, и, радуясь, какъ дѣти,
Сбирали ихъ цвѣты опавшіе — съ земли,
Что было такъ свѣтло, такъ весело на свѣтѣ...
Мнѣ снилося, что яблони цвѣли...

— «Смотри наверхъ», — сказала я, — «скорѣй.
Тамъ бѣло-розовый бутонъ раскрылся новый,
Сорви его, достань!» — По прихоти моей
Ты влѣзъ на дерево, но, спрыгнуть внизъ готовый,
Упалъ на груду сучьевъ и камней.

И умеръ ты... Но грустно было мнѣ
О томъ лишь, что одна осталась я на свѣтѣ,
Что не съ кѣмъ мнѣ играть, и по твоей винѣ...
Не правда ли, какъ злы порой бываютъ дѣти,
И какъ на нихъ похожи мы... во снѣ?

Мнѣ снился балъ. Гремящій съ дальнихъ хоръ —
Оркестръ былъ такъ хорошъ, такъ сладки вальса звуки,
Мой стройный кавалеръ такъ ловокъ и остеръ,
Что упоенье намъ тѣснѣй сближало руки
И влагою подернуло нашъ взоръ.

Мнѣ нравился весь этотъ блескъ и ложь;
Въ чаду восторга я смѣялась и плясала,
Нарядна, какъ цвѣтокъ, какъ бабочка... И что-жъ,
Вдругъ вѣсть ужасную приносятъ мнѣ средь бала,
Что боленъ ты, что ты меня зовешь!

И велика печаль была моя;
Но сердцемъ я, мой другъ, не о тебѣ скорбѣла,—
Я плакала, въ душѣ тоску и гнѣвъ тая,
Что вальсъ изъ-за тебя я кончить не успѣла,
Что рано балъ должна оставить я!

О, эти сны!.. Вѣдь, это только—сны?..
Зачѣмъ же все ростетъ въ груди моей тревога
И мысли торжествомъ мучительнымъ полны?
За то-ль, что я тебя—люблю, люблю такъ много,
Моя любовь и грусть отомщены?!

15-го сентября.

ИЗЪ ОТГОЛОСКОВЪ ПРОШЛАГО.

Спустился вечеръ голубой,
Сердцамъ усталымъ нѣжно вторя, —
Онъ мирный сонъ принесъ съ собой
И мракъ, и влажный запахъ моря.

Но страшно мнѣ, что ночь близка!
Съ ея томящей нѣгой лѣта —
Придутъ мечты, придетъ тоска,
И истерзаетъ до разсвѣта!

ЧАРОДѢЙКА.

Тамъ, средь песчаныхъ пустынь зноемъ палимой Сахары,
Вижу волшебницу я. Рѣютъ, воркуя, надъ ней,
Рѣютъ и вьются — ея тайныя сладкія чары
Стаей воздушной, какъ дымъ, — бѣлыхъ, какъ снѣгъ,
голубей.

Съ вѣтромъ пустыни летятъ вздохи ея заклинаній,
Шопотъ невнятный ея, лепетъ таинственныхъ словъ;
Слышенъ въ нихъ музыки звонъ, нѣжные звуки лобзаній,
Шелестъ незримыхъ одеждъ, смѣхъ и бряцанье оковъ.

Вѣтеръ пустыни несетъ розъ ароматъ сладострастный,
Тихо свѣвая его съ волнъ золотистыхъ кудрей...
Очи подыметъ она, — взглядъ ея яркій и властный
Съ болью вонзается въ грудь, тайной смущая своей.

Сердце ли смертной у ней бьется въ груди бѣлоснѣжной
Или подъ пурпуромъ устъ жало таится змѣи?
Страсть ли сжигаетъ ее? — Пламя любви безнадежной?..
Кто разгадаетъ, кому шлетъ она чары свои?..

Дикіе звѣри пустынь — три кровожадныя львицы —
Къ стройнымъ царицы ногамъ съ ревомъ ложатся глухимъ
Ждутъ съ нетерпѣньемъ онѣ, — скоро-ль послы чаровницы
Новую жертву найдутъ — на растерзаніе имъ!

———

* * *

«O primavera! gioventu dell'anno!
«O gioventu! primavera della vita!»

Весны утраченные дни,
Полуслова, полупризнанья,
Невольной прелестью они
Влекутъ къ себѣ воспоминанья...

О, пусть, безумно-горячи,
Насъ въ полдень нѣжатъ ласки лѣта,
Мы не забудемъ часъ разсвѣта
И утра робкіе лучи!—

О взглядъ, исполненный значенья
И мимолетный, какъ мечта,
Когда отъ счастья и волненья
Молчали гордыя уста...

Иль въ мигъ отрадный встрѣчи нѣжной
Пожатье трепетной руки...
О, сколько было въ немъ тоски,
Мольбы и грусти безнадежной!

А первый поцѣлуй любви
Съ его восторгомъ и смущеньемъ? —
Какимъ могучимъ обольщеньемъ
Онъ будитъ спящій огнь въ крови!

О, если бы могла отдать я
За чары тайныя его —
Все упоеніе объятья,
Всей пылкой страсти торжество!

Какъ я тоскую, вспоминая,
Какъ я волнуюсь и теперь,
Стуча въ затворенную дверь
Давно потеряннаго рая...

Такъ майскій ландыша нарядъ
Цвѣтовъ іюльскихъ намъ привѣтнѣй,
И благовоннѣй розы лѣтней
Его весенній ароматъ.

21-го ноября.

КЪ СОЛНЦУ!

Солнца!.. дайте мнѣ солнца!.. Я къ свѣту хочу!..
Я во мракѣ своемъ погибаю!..
Я была бы такъ рада живому лучу,
Благодатному теплому краю!
Я хочу, чтобъ вокругъ меня розы цвѣли,
Чтобъ зубчатыя горы синѣли вдали...
Я о солнцѣ грущу и страдаю!

Есть загадочный край, полный вѣчныхъ чудесъ,
Тамъ ліанъ перекинулись своды,
Неприступныя скалы и дѣвственный лѣсъ
Отражаютъ прозрачныя воды...
Среди пальмъ тамъ хрустальные блещутъ дворцы,
Въ бѣлыхъ мантіяхъ сходятъ сѣдые жрецы
Въ подземельные тайные ходы...

Тамъ, какъ музыка, слышится шумъ тростника
И подъ солнцемъ роскошнаго края
Распускается вѣнчикъ гиганта-цвѣтка,
Всею радугой красокъ играя.
И надъ лотосомъ чистымъ священной рѣки
Вьются роемъ живые цвѣты—мотыльки,
И сіяетъ луна огневая...

Солнца!.. дайте мнѣ солнца!.. Во мракѣ своемъ
Истомилась душа молодая,
Рвется къ свѣту и грезитъ несбыточнымъ сномъ,
Все о солнцѣ грустя и страдая...
Крылья!.. дайте мнѣ крылья! Я къ свѣту хочу!
Я на крыльяхъ воздушныхъ моихъ улечу
Къ солнцу, къ солнцу волшебнаго края!

24-го ноября.

---

* * *

Изъ царства пурпура и злата,
Случайнымъ гостемъ залетѣвъ,
Блеснулъ послѣдній лучъ заката
Среди серебряныхъ деревъ.

И вотъ, подъ лаской запоздалой,
Какъ мановеньемъ волшебства,
Затрепетала искрой алой
Оледенѣлая листва.

И встрепенулся лѣсъ суровый,
Стряхнулъ съ вѣтвей могильный сонъ, —
И ожилъ онъ въ одеждѣ новой,
Багрянымъ свѣтомъ озаренъ.

Аккордомъ звуковъ серебристыхъ
Несется фей лукавый зовъ...
Клубится рой видѣній чистыхъ
Вокругъ сверкающихъ стволовъ...

Но гаснетъ лучъ въ борьбѣ безплодной,
Еще мгновенье, — и смѣнятъ
Метель и мракъ зимы холодной
Природы призрачный нарядъ.

30-го ноября.

---

* * *

Какъ будто изъ лунныхъ лучей сотканы,
Надъ зеркаломъ дремлющихъ водъ
Играютъ прекрасные духи весны,
Въ воздушный сплетясь хороводъ.

Въ струяхъ голубыхъ отражаетъ вода
Прозрачныя формы тѣней,
Безшумно — какъ волны, какъ вѣтръ — безъ слѣда,
Проносятся образы фей...

Чье сердце незлобно и вѣра тверда —
Спѣши въ заповѣданный лѣсъ, —
Предъ тѣмъ, кто любилъ и страдалъ, — никогда
Не заперты двери чудесъ.

Но бойся, съ душою преступной злодѣй, —
Свершится таинственный судъ
Надъ дерзкимъ, вступившимъ въ святилище фей, —
И праха его не найдутъ!

1894.

КЪ ЧЕМУ.

(Подъ шумъ фонтана).

Тускнѣетъ солнца яркій щитъ,
Не шелохнется воздухъ сонный...
Одинъ фонтанъ поетъ, журчитъ —
И бьетъ струей неугомонной.

Ни день, ни ночь... Вдали едва
Погасъ послѣдній лучъ свѣтила,
И мглы густая синева
Лазурь прозрачную затмила...

Вездѣ безъ шума и слѣда
Ложатся трепетныя тѣни...
Бѣлѣютъ въ зеркалѣ пруда
Террасы мраморной ступени...

Деревья въ сумракѣ молчатъ...
Лишь вѣтерокъ пахнетъ украдкой,
И липъ медвяный ароматъ
Смѣнитъ акацій запахъ сладкій...

«Зачѣмъ любить, зачѣмъ страдать?» —
Журчитъ фонтанъ — и плещетъ снова...
Но сердце дрогнуло опять
Исканьемъ жребія иного.

О, если счастіе — мечта,
Къ чему-жъ природы совершенства,
Земли и неба красота, —
Весь рай земной... гдѣ нѣтъ блаженства?

QUASI UNA FANTASIA.

I.

Однообразны и пусты—
Года томительные шли,
Напрасно тайныя мечты
Въ туманной рѣяли дали.
Не много счастья,—больше зла
И мукъ мнѣ молодость дала,
И жизни гнетъ, и смерти страхъ,
И наслажденье лишь въ мечтахъ...

II.

Чудесъ ждала я.—Какъ въ чаду—
Я мнила въ гордости слѣпой,
Что жизни путь я не пройду
Безслѣдно, общею тропой.
Что я не то, что всѣ,—что Рокъ
Мнѣ участь высшую предрекъ
Великихъ подвиговъ и дѣлъ,
И что безсмертье—мой удѣлъ.

III.

Но доказала мнѣ судьба,
Что жизнь не сказка и не сонъ,
Что я—страстей своихъ раба,
Что плотью духъ порабощенъ...
Что грѣшный міръ погрязъ во злѣ,
Что нѣтъ безсмертья на землѣ,
И красоты, и славы свѣтъ—
Все тлѣнъ, все суета суетъ!

IV.

Потомъ заботою иной
Смѣнились дни моихъ тревогъ,—
Души я жаждала родной,
И душу ту послалъ мнѣ Богъ.
И вотъ, любовь узнала я
И смыслъ, и радость бытія,
И чувство матери,—изъ всѣхъ
Высокихъ высшее утѣхъ.

V.

Была-ль я счастлива?—О, да!
Но вѣчный страхъ за жизнь дѣтей,
За прочность счастія—всегда
Отравой жизни былъ моей...
А часъ насталъ, и пробилъ онъ,—
И смерть подкралася, какъ сонъ,
Коснулась бреннаго чела
И жизни нить оборвала...

VI.

Какъ будто, вдругъ, на странный балъ
Попала я, казалось мнѣ...

Такъ мрачно тамъ оркестръ игралъ,
Кружились пары, какъ во снѣ...
Жаръ... холодъ... лабиринтъ дверей...
— «Домой!» молила я, — «скорѣй!»...
Мы сѣли въ сани, — я и *онъ*, —
Знакомый съ давнихъ мнѣ временъ...

VII.

Мы ѣдемъ; вижу я, вдали
Мелькнулъ и скрылся мирный домъ,
Гдѣ тихо дни мои текли
Въ заботахъ жалкихъ о земномъ.
— «О, пусть ничтожна жизнь моя,
Я жить хочу! — взмолилась я,
Мой спутникъ, сжалься надо мной, —
Еще великъ мой путь земной!»

VIII.

Но онъ молчитъ. — И снова я:
— «Мой другъ, прошу я за того,
Съ кѣмъ связана судьба моя, —
Я не могу забыть его...
Назадъ!... остановись, молю!
Мнѣ жизни жаль, я жизнь люблю!...»
— «Молчи! — промолвилъ онъ въ отвѣтъ, —
Къ прошедшему возврата нѣтъ».

IX.

Мы мчимся... Снѣжной мглой крутя,
Несется вьюга впереди...
Мнѣ вспомнилось мое дитя,
И сердце сжалося въ груди,

— «Назадъ! я вскрикнула,—домой!..
Остался тамъ ребенокъ мой,—
Онъ будетъ плакать, звать, кричать...
Пойми, я жить должна... я мать!»

X.

Молю напрасно,—онъ въ отвѣтъ
Качаетъ странно головой:
— «Что значитъ горе дѣтскихъ лѣтъ?
Утѣшится ребенокъ твой».—
«Еще...» я молвила, стеня,
«Еще осталось у меня...
Ты знаешь что!..» Но онъ въ отвѣтъ
Твердитъ одно: —«Возврата нѣтъ!»

XI.

— «Возврата нѣтъ,—пойми, забудь—
Земную скорбь съ земной тоской»...
Я поняла,—и тотчасъ въ грудь
Влился божественный покой...
Отчизна есть у насъ одна,—
Я поняла, что *тамъ* она,
Что правъ чудесный спутникъ мой,—
Гостила я,—пора домой!

XII.

И вотъ... какая красота!..
Какой могучій, яркій свѣтъ!..
Родныя вижу я мѣста,
Знакомый слышу я привѣтъ!

Я узнаю... о, сколько ихъ,—
Безплотныхъ, чистыхъ, но живыхъ,
Всѣхъ близкихъ мнѣ, забытыхъ мной
Въ чужомъ краю, во тьмѣ земной!..

25-го января.

СУМЕРКИ.

Съ сліяньемъ дня и мглы ночной
Бываютъ странныя мгновенья,
Когда слетаютъ въ міръ земной
Изъ міра тайнаго видѣнья...

Скользятъ въ туманѣ темноты
Обрывки мыслей... клочья свѣта...
И блѣдныхъ образовъ черты,
Забытыхъ межъ нигдѣ и гдѣ-то...

И сердце жалостью полно,
Какъ будто жжетъ его утрата
Того, что было такъ давно...
Что было отжито когда-то...

17-го февраля.

7*

* * *

Гдѣ ты, забвенье,
Гдѣ, упоенье
Счастьемъ блаженства земного?
Сномъ непробуднымъ,
Въ мечтаньи чудномъ,
Жажду забыться я снова!

Гдѣ ты, блаженный,
Гдѣ, вдохновенный
Юности даръ заглушенный?—
Радость свиданья,
Грусть разставанья,
Ночи томленья безсонной?

Сердцу все мало!
Пусть миновало
Время любви пережитой,—
Дай мнѣ забвенья,
Дай упоенья,
Страсти восторгъ позабытый!

8-го мая.

ЦАРИЦА САВСКАЯ.

I.

«Положи меня, какъ печать, на сердце твое, какъ перстень, на руку твою, ибо сильна, какъ смерть, любовь».

Изъ «Пѣсни пѣсней» Саломона, 8, 6.

Купаясь въ золотѣ лучей,
Въ лазури теплой небосклона,
Летятъ двѣнадцать голубей
На югъ далекій отъ Сіона.

Гостей пернатыхъ съ давнихъ поръ
Ждала царица, изнывая,—
И въ злато-пурпурный шатеръ
Ихъ рѣзвая впорхнула стая...

Навстрѣчу имъ идетъ она,
Сойдя съ блистающаго трона,
Какъ пальма Енгадди—стройна,
Свѣжа, какъ роза Ерихона...

На ликѣ дивномъ горячо
Разлился вмигъ румянецъ нѣжный,
И свѣялъ голубь бѣлоснѣжный
На обнаженное плечо.

Изъ клюва алаго посланье
Поспѣшно, трепетной рукой,
Она взяла... Невольницъ рой
Умолкъ и замеръ въ ожиданьѣ...

Лишь надъ вѣнчанною главой
Чуть шелестило опахало...
Царица, взоръ потупя свой,
Посланью царскому внимала.

И слово каждое его,
Казалось, откликъ находило
Въ груди, гдѣ прежде мѣсто было
Для самовластья одного:

«Лобзаю легкіе слѣды
«Прекрасныхъ ногъ моей царицы!
«Ея глаза, какъ двѣ звѣзды,
«Горятъ сквозь темныя рѣсницы...
«Что говорю я?... двѣ звѣзды?!..
«То молній яркія зарницы!
«И сердце, ими сожжено,
«Любви безуміемъ полно!

«О, кто сравниться можетъ съ ней,
«Съ возлюбленной! Ея ланиты,
«Какъ лиліи, цвѣты полей,
«Зарей вечернею облиты...
«Что говорю я?!—цвѣтъ лилей?!—
«Алѣе розъ ея ланиты!
«И сердце, ими прельщено,
«Любви безуміемъ полно!

«Какъ упоительно-нѣжны
«Ея одеждъ благоуханья!
«Плѣняетъ взоръ, какъ свѣтъ луны,
«Красы чудесной обаянье...
«Что говорю я?!—свѣтъ луны?!—
«То солнца южнаго сіянье!
«И сердце, имъ ослѣплено,
«Любви безуміемъ полно!»

II.

Окончилъ рабъ... Но далеко
Царицу унесли мечтанья
Туда, въ страну обѣтованья,
«Гдѣ льется медъ и молоко»..
Гдѣ бьетъ ключомъ сиккеръ душистый
И брыжжетъ сокъ янтарныхъ винъ,
Гдѣ теревинѳъ возросъ вѣтвистый
И сѣнь платановъ и маслинъ...

Гдѣ блескомъ сказочнымъ палаты
Затмили роскошь южныхъ странъ,
Гдѣ мирра, ладанъ и шафранъ
Струятъ съ курильницъ ароматы...
Семь ступеней... и пышный тронъ...
И, славой вышней осіянный,
Онъ,—цвѣтъ долинъ благоуханный,
«Нарциссъ саронскій»—Саломонъ!..
О мигъ, ей памятный донынѣ,
Подъ взглядомъ властнымъ и живымъ,
Когда, подобная богинѣ,
Она предстала передъ нимъ,—

Передъ побѣдой иль позоромъ,
Тая борьбы невольный страхъ,
Съ опущеннымъ лукаво взоромъ,
Съ усмѣшкой тонкой на устахъ...

— «Что-жъ передать прикажешь ты
Царю Востока отъ царицы?»—
И тихо дрогнули рѣсницы,
Отъ чудной пробудясь мечты...

Алѣе розы Ерихона,
Подъ грезой сладостнаго сна,
Посламъ крылатымъ Саломона
Со вздохомъ молвила она:
— «Не отъ царицы,—отъ рабыни
«Скажите вашему царю,
«Что я его боготворю
«И осчастливлена имъ нынѣ!
«Что я дивлюсь его уму,
«Могуществу, богатству, краю...
«Люблю его!.. и рвусь къ нему!..
«И отъ любви изнемогаю!..»

ПОКИНУТАЯ.

Опять одна, одна съ моей тоской
По комнатамъ брожу я одинокимъ,
И чернымъ шлейфомъ бархатное платье
Мететъ за мной холодный мраморъ плитъ...
О, неужели ты не возвратишься?

Мои шаги звучатъ средь залъ пустыхъ...
Съ высокихъ стѣнъ старинные портреты
Глядятъ мнѣ вслѣдъ насмѣшливо и строго
И взорами преслѣдуютъ меня...
О, неужели ты не возвратишься?

У ногъ моихъ играя на коврѣ,
Малютка нашъ спросилъ меня сегодня:
— «Гдѣ мой отецъ и скоро ли вернется?» —
Но что-жъ ему отвѣтить я могла!
О, неужели ты не возвратишься?

Я видѣла, какъ сѣлъ ты на коня,
И передъ тѣмъ, чтобъ въ путь уѣхать дальній,
Со всѣми ты простился, какъ бывало,
Лишь мнѣ одной ты не сказалъ: «прости!»
О, неужели ты не возвратишься?

Но, помнится, какъ будто по окну,
Гдѣ колыхалась тихо занавѣска,
Скрывавшая меня съ моимъ страданьемъ,
Скользнулъ на мигъ зажегшійся твой взглядъ...
О, неужели ты не возвратишься?

Свое кольцо вѣнчальное въ тотъ день,
Въ безуміи отчаянья нѣмого,
Такъ долго я и крѣпко цѣловала,
Что выступила кровь изъ губъ моихъ!..
О, неужели ты не возвратишься?

И медальонъ на цѣпи золотой
Попрежнему ношу я неизмѣнно.
Ты хочешь знать — чье тамъ изображенье
И прядь волосъ?... Такъ знай, — они твои!
О, неужели ты не возвратишься?

Иль надъ моей всесиленъ ты душой? —
Но день и ночь, во снѣ, въ мечтахъ, всечасно,
Подъ вѣтра шумъ и легкій трескъ камина —
Всегда, всегда я мыслю о тебѣ...
О, неужели ты не возвратишься?

Давно угасъ румянецъ щекъ моихъ,
И взоръ померкъ... Я жду!.. Я умираю!..
И, если я не шлю тебѣ проклятья, —
Какъ велика, пойми, моя любовь!..
О, неужели ты не возвратишься?

МОЕ НЕБО.

Небо и всѣ наслажденія неба я вижу
Въ личикѣ дѣтскомъ,—и глазъ оторвать не могу я...
Ангелъ безгрѣшный, случайно попавшій на землю,
Сколько ты счастья принесъ! Какъ ты мнѣ дорогъ, дитя!

Вьются и золотомъ кудри твои отливаютъ,
Блещутъ вкругъ милой головки твоей ореоломъ,
Весь ты—какъ облачко, свѣтомъ зари залитое,
Чистый, какъ ландышъ лѣсной,—майскій прелестный цвѣ-
токъ!
Съ кроткою ласкою изсиня-темные глазки
Въ душу мнѣ смотрятъ и цвѣтомъ походятъ на небо,
Въ мигъ потемнѣвшее передъ грозою весенней...
Небо во взорѣ твоемъ—я созерцаю, дитя!

Гдѣ та страна, о которой лепечутъ намъ сказки?
Въ край тотъ чудесный тебя на рукахъ бы снесла я,
Молча, босая, по острымъ каменьямъ пошла бы,
Лишь бы избавить тебя—терній земного пути!

Боже! пославъ мнѣ ребенка, Ты небо открылъ мнѣ!
Умъ мой очистилъ отъ суетныхъ, мелкихъ желаній!
Въ грудь мнѣ вдохнулъ непонятныя новыя силы!
Въ сердцѣ горячемъ зажегъ—пламя безсмертной любви!

30-го іюня.

ВЕСЕННІЙ СОНЪ.

Мнѣ снилося утро веселаго мая,—
Я бабочкой пестрой была,—
Съ фіалки на ландышъ безпечно порхая,
Я нѣжилась въ царствѣ тепла...
О, чудный сонъ,
Блаженный сонъ!
Онъ счастьемъ весны напоенъ!..

Я рѣяла долго, кружилась привольно,
Какъ греза свѣтла и легка,—
И усикомъ тонкимъ коснулась невольно
Двухъ бархатныхъ крылъ мотылька...
О, чудный сонъ,
Блаженный сонъ!
Онъ счастьемъ весны напоенъ!..

И, страстно воздушныя крылья сплетая,
Другъ къ другу, ласкаясь, прильнувъ,
Слилися мы съ утромъ веселаго мая,
Въ лазури небесъ утонувъ...
О, чудный сонъ,
Блаженный сонъ!
Онъ счастьемъ весны напоенъ!

---

* * *

Пустой случайный разговоръ,
А въ сердцѣ смутная тревога,—
Такъ заглянулъ глубоко взоръ,
Такъ было высказано много...

Простой обмѣнъ ничтожныхъ словъ,
Руки небрежное пожатье,—
А умъ безумствовать готовъ,
И грудь, волнуясь, ждетъ объятья...

Ни увлеченья, ни любви
Порой не надо для забвенья,—
Настанетъ мигъ,—его лови,—
И будешь богомъ на мгновенье!

1-го іюля.

ТИТАНІЯ.

Въ странѣ невѣдомыхъ чудесъ,
Гдѣ, разростаясь на просторѣ,
Шумѣлъ столѣтнихъ буковъ лѣсъ
И синее плескалось море,—
Въ плащѣ зеленомъ,—окруженъ
Малютокъ эльфовъ рѣзвой свитой,
Въ бесѣдкѣ, розами увитой,
Сидѣлъ красавецъ Оберонъ.
Къ нему въ сіяньи розоватомъ
Послѣднихъ солнечныхъ лучей,
Блистая золотомъ кудрей
И вся пронизана закатомъ,
Склонилася царица фей.
Но тщетно нѣжные напѣвы
И звуки арфъ неслися къ ней,—
Все непривѣтнѣй, все грустнѣй
Сдвигались брови королевы;
И тщетно царственный супругъ
Старался лаской на мгновенье
Разсѣять чуждый ей недугъ,—
Слова тоски и пресыщенья
Съ капризныхъ устъ сорвались вдругъ:

ТИТАНІЯ.

Оставь меня!.. мнѣ скучно, Оберонъ!
Мнѣ надоѣли игры и забавы,
И шумъ вѣтвей, и ясный небосклонъ...
Вся наша жизнь—не жизнь, а сонъ!
Мы видимъ, какъ цвѣты, деревья, травы
Уноситъ время безъ слѣда,
А мы?.. мы вѣчно молоды, какъ дѣти,
Безъ слезъ и радостей, безъ цѣли и труда,
Какъ мотыльки живемъ на свѣтѣ
И будемъ жить всегда, всегда!

ОБЕРОНЪ.

Дитя! счастливѣй насъ съ тобою,
Повѣрь мнѣ, въ мірѣ нѣтъ земномъ;
Довольна будь своей судьбою,
Не мы-ль блаженствуемъ вдвоемъ?

ТИТАНІЯ.

О, нѣтъ, мой другъ! я такъ несчастна!..
Ты знаешь ли, какъ хороши
Слова любви, когда въ нихъ страстно
Звучатъ моленія души?
А я слыхала ихъ!.. И жажду я, тоскуя,
Иныхъ утѣхъ, иного поцѣлуя,
И наслажденій, и тревогъ!..

ОБЕРОНЪ.

Титанія! тебя не узнаю я...
Страдаешь ты?.. О, если бы я могъ
Постичь тебя!.. Капризное созданье,
Владычица моя!

Ты знаешь, всѣ твои желанья
Съ восторгомъ исполняю я...
Откройся мнѣ, какою силой
Увлечены твои мечты,
Чего съ такой тоской унылой,
Съ такимъ безумствомъ жаждешь ты?

ТИТАНІЯ.

Такъ выслушай мое признанье:
Разъ, вечеромъ, я эльфовъ созвала
И, снявъ вѣнецъ алмазный мой съ чела,
Играла имъ при мѣсячномъ сіяньѣ.
Переливались блескомъ огневымъ
Въ лучахъ луны безцѣнные каменья...
Я долго любовалась имъ,
И, вдругъ, шутя, движеніемъ живымъ
Его забросила... Всѣ кинулись въ смятеньѣ
Искать его въ травѣ и межъ вѣтвей,
И я осталась на мгновенье
Безъ свиты вѣтренной моей;
И слышу звукъ подавленный лобзанья
И тихій вздохъ подъ дубомъ вѣковымъ,
Куда такъ ярко лунное сіянье
Снопомъ упало голубымъ...
Откинувъ кудри черныя на плечи,
Къ ногамъ красавицы, во власти сладкихъ чаръ,
Припалъ прекрасный рыцарь Вальдемаръ;
Его взволнованныя рѣчи
И взоры, полные огня,
Чудесный, новый міръ открыли для меня!..
И, притаясь за деревомъ, я жадно
Внимала имъ,—словамъ любви земной,—

И было мнѣ и горько, и отрадно...
О! такъ никто не говорилъ со мной!
Никто мнѣ не давалъ такого поцѣлуя,
Не плакалъ, не молилъ, припавъ къ моимъ ногамъ...
И ты меня любить не въ силахъ самъ,
Какъ любятъ смертные, и какъ любить хочу я!

Хочу я слышать тотъ шопотъ странный,
Хочу внимать словамъ признанія,
Томиться... плакать... и въ мигъ желанный
Сгорать отъ тайнаго лобзанія!

Пусть въ часъ свиданья — отъ жажды встрѣчи
Стѣснится грудь тоскою страстною,
Пусть замираютъ восторга рѣчи
Подъ лаской робкою и властною...

Пусть сердце сердцу отдастся смѣло
Въ забвеньи жаркаго объятія.—
Что за блаженство — отдать всецѣло
И жизнь, и душу безъ изъятія!

Въ тотъ міръ, о другъ мой, я рвусь невольно,
Хочу земной безумной страсти я,
Чтобъ было сладко, чтобъ было больно,
Чтобъ слезы брызнули отъ счастія!

ОБЕРОНЪ.

Титанія! пойми, тебя люблю я
Не такъ, какъ любятъ у людей,—
Не сомнѣваясь, не ревнуя,
Но всею волею своей!
Люблю тебя, воздушное созданье,
Владычица моя!

Ты лучъ зари, ты розъ благоуханье,
Съ тобою счастливъ я!
Люблю тебя, о мой цвѣточекъ нѣжный,
Любовью эльфовъ,—свѣтлой, безмятежной,
Какъ пѣнье соловья!

ТИТАНІЯ.

Не то!.. не такъ!.. Все это надоѣло...
О, замолчи!.. не продолжай!
Оставь меня!.. О, какъ бы я хотѣла
Уйти навѣкъ въ тотъ чудный край,
Туда, туда!..

ОБЕРОНЪ.

...Гдѣ лучшія мгновенья
Тебѣ отравитъ ненависти ядъ,
Гдѣ голодъ, месть, болѣзни, преступленья...
Гдѣ лишь о смерти говорятъ
И жаждутъ одного—забвенья!

ТИТАНІЯ.

Какія страшныя слова!
«Болѣзни», «голодъ»... «преступленья»..
И «смерть»!.. Я поняла едва
Ихъ безнадежное значенье!

ОБЕРОНЪ.

Да, въ мірѣ томъ ты счастья не найдешь!
Настанетъ день,—и ты ко мнѣ придешь,
Ничтожная въ своемъ безсильѣ,
Сложившая свои изломанныя крылья,
Въ неравной павшая борьбѣ...
Но я тогда... я не прощу тебѣ!

ТИТАНІЯ.

«Борьба»... «безсилье»... это скучно!
Мнѣ рѣжетъ слухъ рѣчей унылыхъ звонъ,
Мой умъ сомнѣньемъ утомленъ...
Я вновь съ тобою неразлучна,
Я остаюсь, мой Оберонъ!

ОБЕРОНЪ.

Приди ко мнѣ! Минутное смущенье
Забудемъ, другъ мой, навсегда.
Средь игръ и смѣха, какъ видѣнье,
Какъ чудный сонъ безъ пробужденья,
Пройдутъ волшебные года...
Мы будемъ счастливы, какъ прежде,—безконечно!
Какъ мотыльки живя безпечно,
Своей довольствуясь судьбой...
Вѣдь ты моя?.. И вновь съ тобой
Мое блаженство вѣчно?

ТИТАНІЯ.

...Вѣчно!

8*

МИГЪ БЛАЖЕНСТВА.

«И будете, какъ боги»...
Книга Бытія. 3, 4.

Любовь-чародѣйка свела насъ на этомъ пути,
Изъ тысячи тысячъ дала насъ узнать и найти,
Свела—и связала навѣки, и бросила насъ
Въ объятья другъ друга въ полночный таинственный
часъ...

Нагрянулъ мигъ грозой нежданной,
И для борьбы не стало силъ...
И онъ, прекрасный и желанный,
Мой страхъ лобзаньемъ погасилъ!...

И страсть затуманила взоръ... И казалося мнѣ,
Что вихрь подхватилъ насъ — и мчитъ, и кружитъ въ
вышинѣ...
Намъ встрѣчныя сферы со свистомъ дорогу даютъ,
Блаженства небеснаго насъ ожидаетъ пріютъ!...

Подъ нами изъ сумрака ночи была чуть видна
Спаленная зноемъ, забытая небомъ страна,
Гдѣ вѣчную жажду ничѣмъ утолить не могли
И гибли, страдая, ничтожныя дѣти земли.

Ихъ вопли и стоны едва доносилися къ намъ,—
Мы мчались все выше къ большимъ лучезарнымъ звѣз-
дамъ,
Гдѣ, тучи прорѣзавъ гигантскимъ и яркимъ серпомъ,
Раскинулся мѣсяцъ, сіяя во маркѣ ночномъ...

И мысли, какъ вихри, кружились, неслись безъ слѣда...
Не знаю, — что были мы — люди иль боги тогда?!
Высокое съ низкимъ, и зло, и безумье — съ добромъ
Въ хаосъ первозданный слилися въ мгновеніи томъ!..

И небо раскрылось надъ нами!.. И чудилось намъ,
Что ангельскимъ внемлемъ божественнымъ мы голосамъ,
Что въ душу намъ съ жизнью вливаются радость и свѣтъ,
Восторгъ необъятный, которому равнаго нѣтъ!..

Угасло мгновенье, рожденное въ мірѣ огня...
И небо закрылось... и струны порвались, звеня...
Низвергнуты въ бездну, лежимъ мы во тьмѣ и пыли,—
Минутные боги,—ничтожныя дѣти земли...

ВОДЯНОЙ ЦВѢТОКЪ.

Деревьевъ трепетная сѣнь...
И полусвѣтъ, и тишина...
Не проникаетъ жаркій день
Сквозь чащу лѣса въ царство сна.

Смолою воздухъ напоенъ
И острымъ запахомъ земли;
Гудятъ, какъ нѣжный арфы звонъ,
Лѣсныя пчелы и шмели.

Прохладой влажною дыша,
Ручей лепечетъ и журчитъ,
Купая листья камыша
И вѣтви гибкія ракитъ.

Раскинувъ круглые щиты,
Смотрясь въ зеркальный свой пріютъ,
Какъ воскъ, прозрачны и чисты,
Нимфеи-лиліи цвѣтутъ...

И вотъ, тихонько раздвигая
Ихъ ароматные ряды,
Вся въ брызгахъ блещущихъ воды
Головка вышла молодая...

Въ лицѣ смущенье... легкій страхъ...
И ожиданіе... и тайна...
И яркій лучъ, попавъ случайно,
Горитъ въ каштановыхъ кудряхъ...

Рѣсницъ рѣшетчатыя тѣни
На блѣдномъ заревѣ ланитъ...
Въ движеньяхъ медленныхъ сквозитъ
Печать томленія и лѣни...

Чаруютъ юныя черты,
Суля нирвану наслажденья,
Не обаяньемъ красоты,
Но безконечностью забвенья...

ПѢСНЯ ТИТАНІИ.

Эльфы милые, внемлите
Королевы вашей зовъ,
Въ колесницу ей впрягите
Девять бѣлыхъ мотыльковъ.

Ужъ давно жену-малютку
Въ хороводъ на дальній лугъ,
Разсердившись не на шутку,
Ждетъ мой царственный супругъ.

Быть грозѣ! я это знаю, —
Какъ и силу чаръ своихъ, —
И вѣнецъ мой надѣваю
Изъ алмазовъ дорогихъ...

Чу! доносится мнѣ съ бала
Серебристый, нѣжный звонъ...
Значитъ, туча миновала, —
То смѣется Оберонъ! —

1895.

* * *

Когда-бъ могла душа на мигъ съ себя стряхнуть
Свое къ землѣ прикованное тѣло,—
Я-бъ вольной пташкой полетѣла,
И ароматъ полей вдохнула-бъ жадно грудь!

Какъ сладко при лунѣ душистой ночью лѣта
Плясать въ кругу виллисъ, подъ звонкій ихъ напѣвъ,
Качаться на вѣтвяхъ деревъ,
Купаяся въ лучахъ серебрянаго свѣта....

Иль рыбкой золотой нырнуть въ пучину волнъ,
Гдѣ людямъ все невѣдомо и ново,
Познать всѣ тайны дна морского,
Всего, что скрыто тамъ, чѣмъ ропотъ моря полнъ...

Какъ хорошо въ грозу носиться вмѣстѣ съ тучей,
Когда средь молній громъ грохочетъ въ небесахъ,
Неся землѣ и смерть, и страхъ...
Какая власть и мощь, какой просторъ могучій!

Но нѣтъ! — вѣдь если бы могла душа моя
Хотя на мигъ постичь восторгъ свободы,—
Я прокляла бы жизни годы
И плоть свою, и кровь, — оковы бытія!

3-го января.

ДЖАМИЛЕ.

— Вы такъ печальны, Джамилѐ?
Вашъ взоръ паритъ въ дали безбрежной...
Но что, скажите, на землѣ
Достойно вашей грусти нѣжной?..
Вы такъ печальны, Джамилѐ! —

— За мной слѣдятъ... и я грустна,
А въ сердцѣ страсть и ожиданье...
Сегодня въ полночь я должна
Пробраться тайно на свиданье...
Мой ликъ суровъ и взоръ угрюмъ, —
Не выдастъ сердце тайныхъ думъ. —

* * *

— Вы улыбнулись, Джамилѐ?
И жизнь, и радость въ вашемъ взорѣ, —
Въ его глубокой, знойной мглѣ
Все перемѣнчиво, какъ въ морѣ...
Вы улыбнулись, Джамилѐ? —

— Да, я смѣюсь... но адъ во мнѣ,
И смерть, и ужасъ въ блескѣ взора! —
Сегодня по моей винѣ
Былъ брошенъ трупъ на дно Босфора...
И я смѣюсь... но знаю я,
Что завтра очередь моя! —

* * *

И вѣтра стонъ... и шопотъ мрачныхъ думъ...
И жить отрады нѣтъ...
А гдѣ-то зной — и моря тихій шумъ,
И солнца яркій свѣтъ!

Гудитъ метель и множитъ въ сердцѣ гнетъ
Невыплаканныхъ слезъ...
А гдѣ-то миртъ, зеленый миртъ растетъ
И кущи бѣлыхъ розъ!

Проходитъ жизнь въ мечтаньяхъ объ иномъ,
Ничтожна и пуста...
А гдѣ-то смѣхъ, и счастье бьетъ ключомъ,
И блескъ, и красота!

22-го января.
Ярославль.

---

* * *

Весна идетъ,
Весна цвѣтетъ!
И жизнь, и свѣтъ!
И смерти нѣтъ!

Уже цвѣты
Раскрылись вновь...
Мою любовь
Поймешь ли ты?..

Поймешь ли зной
Горячихъ думъ
И что весной
Тревожитъ умъ?

Когда мечты
Уносятъ въ даль,—
Мою печаль
Поймешь ли ты?..

Какихъ заботъ
На сердцѣ гнетъ,
Какъ велика
Моя тоска,

О чемъ грущу,
Чего ищу,
Мои мечты
Поймешь ли ты?..

ИДЕАЛЫ.

Я помню, и въ юные годы
Мнѣ жизнь не казалась легка,—
Такъ жаждало сердце свободы,
Такъ душу терзала тоска.

Когда же ночныя видѣнья
Слетались на ложе ко мнѣ,
Въ какомъ-то не дѣтскомъ волненьи
Томилась я часто во снѣ.

Не шалости, куклы, забавы,—
Мнѣ снилися страны чудесъ,
Гдѣ пальмъ колыхалися главы
На золотѣ аломъ небесъ.

Мнѣ чудился замокъ высокій
И въ розахъ ползучихъ балконъ;
Тамъ ждалъ меня принцъ черноокій,
Какъ въ сказкѣ хорошъ и влюбленъ.

Стоитъ онъ и смотритъ такъ нѣжно,
Весь въ бархатъ и шелкъ разодѣтъ,
На темныя кудри небрежно
Широкій надвинутъ беретъ...

Исчезли и замки, и розы,
Видѣнья волшебной весны;
Поруганы дѣтскія грезы,
Осмѣяны чудные сны...

Одной только вѣчной надеждѣ
Осталося мѣсто во мнѣ, —
И черныя очи, какъ прежде,
Мнѣ блещутъ въ блаженной странѣ.

И призрачный міръ мнѣ дороже
Всѣхъ мелкихъ страстей и заботъ,—
Вѣдь сердце осталось все то же,
И любитъ, и вѣритъ, и ждетъ!

МОЙ ВОЗЛЮБЛЕННЫЙ.

I.

Вы исчезните, думы тревожныя, прочь!..
Бронзу темную кос, бѣлый мраморъ чела
Крупнымъ жемчугомъ я обвила...
Буду ждать я тебя въ эту майскую ночь,
Вся, какъ майское утро, свѣтла!

Звѣзды вѣчныя ярко горятъ въ вышинѣ...
Мчись на крыльяхъ своихъ, прилетай же скорѣй,
Дай упиться любовью твоей!..
И, услыша мой зовъ, онъ примчался ко мнѣ
Въ красотѣ благовонныхъ кудрей...

О мой другъ!—ты принесъ мнѣ дыханіе травъ,
Ароматы полей и цвѣтовъ ѳиміамъ,
И прекрасенъ, и чуденъ ты самъ!..
И въ безплотныхъ, но страстныхъ, объятіяхъ сжавъ,
Ты меня унесешь къ небесамъ!..

II.

Въ часъ, когда слетаютъ сны,
Въ ночи ясныя весны,
Слышенъ вздохъ мой въ тишинѣ:
—«Другъ мой! вспомни обо мнѣ»...

Колыхнется ли волна,
Занавѣска-ль у окна,
Иль чудесный и родной
Донесется звукъ иной,—

Всюду чудится мнѣ онъ,
Кто, безплотный, будто сонъ,
Все качаетъ вѣтки розъ,
Все шуршитъ въ листвѣ березъ...

* * *

Только выйду,—вслѣдъ за мной,
Вѣя страстью неземной,
По цвѣтамъ онъ полетитъ,
По кустамъ зашелеститъ,

Зашумитъ среди деревъ
И, на яблони слетѣвъ,
Нѣжный цвѣтъ спѣшитъ стряхнуть,
Чтобы мой усѣять путь...

Иль нежданно налетитъ
И на бархатѣ ланитъ
Безтѣлесный, но живой,
Поцѣлуй оставитъ свой...

* * *

И, когда слетаютъ сны,
Въ ночи ясныя весны—
Я не сплю... я жду... И вотъ—
Мѣрный слышится полетъ...

И таинственный, какъ сонъ,
Ароматомъ напоенъ,
Онъ мой пологъ распахнулъ
И къ груди моей прильнулъ!..

Образъ, видимый едва...
Полувнятныя слова...
Тихій шорохъ легкихъ крылъ...
Все полночный мракъ покрылъ...

12-го мая.

---

* * *

Пасмурно зимою
Небо надо мною,
Небо голубое радостной любви,—
Утомляютъ ласки,
Усыпляютъ сказки
Гаснущее пламя дремлющей крови.

Но вернулось снова
Счастія земного
Время золотое,—возвратилось вновь.
И въ былинкѣ каждой—
Съ ненасытной жаждой,
Жаждой наслажденья,—родилась любовь!

Снова льются трели,
Пѣсни зазвенѣли
Изъ зеленой чащи кленовъ и березъ...
Опьяняютъ ласки,
Вдохновляютъ сказки
И уносятъ въ царство позабытыхъ грезъ!

26-го мая.

ЧЕТЫРЕ ВСАДНИКА.

(Баллада).

I.

Вспыхнуло утро, багрянцемъ горя,
Брежжетъ въ окно золотая заря...
— Спишь-ли ты, Майя, любимая дочь?
Гостя принять выходи мнѣ помочь;
Гость мой прекраснѣе юной весны,
Кудри его изъ лучей сотканы,
Нѣжно звучитъ его смѣхъ молодой,
Жизнь и веселье несетъ онъ съ собой!
— Дай мнѣ дремать въ очарованномъ снѣ...
Мальчикъ кудрявый, забудь обо мнѣ!
Грезы мои упоенья полны...
Дай досмотрѣть вдохновенные сны!

II.

— Выйди, о Майя, любимая дочь,
Гостя другого принять мнѣ помочь,
Лучшій нарядъ и вѣнецъ свой надѣнь,—
Видишь, восходитъ торжественно день!

9*

Гость мой и славенъ, и знатенъ вполнѣ,—
Вотъ онъ въѣзжаетъ на бѣломъ конѣ;
Вьется за нимъ его плащъ голубой,
Блескъ и богатство несетъ онъ съ собой!
— Гость твой хорошъ,—но обманчивый видъ
Столько заботъ безконечныхъ таитъ,
Столько заботъ о ничтожномъ—земномъ...
Дай-же забыться мнѣ сладостнымъ сномъ!

III.

Солнце пурпурное скрылось давно;
Вечеръ таинственный смотритъ въ окно...
— Выйди, о Майя, любимая дочь,
Ставни закрыть приходи мнѣ помочь!
Кто-то печальный, въ молчаньи нѣмомъ,
Будто сейчасъ промелькнулъ за окномъ,—
Гесперъ въ лучистомъ сіяньи своемъ
Блещетъ звѣздою надъ яснымъ челомъ...
— Гостя напрасно не приняла ты...
Слышишь, сильнѣе запахли цвѣты?
Ставни скорѣй распахни, моя мать,
Сладко мнѣ воздухъ прохладный впивать!

IV.

— Спи, моя Майя, любимая дочь!
Вотъ ужъ спустилася темная ночь,—
Кто-то на стройномъ конѣ ворономъ
Тихо подъѣхалъ и сталъ подъ окномъ...
Ликъ его чудный внушаетъ мнѣ страхъ,
Мѣсяцъ играетъ въ его волосахъ,
Черныя очи такъ ярко горятъ,
Траурнымъ флеромъ окутанъ нарядъ!..

— Встань-же, родная, и двери открой,—
Это примчался возлюбленный мой,
Съ нимъ я въ объятіи жаркомъ сольюсь,
Къ звѣздному небу навѣкъ унесусь!

4-го іюля.

ЛЮБОВЬ.

Придешь-ли ты, угасшая такъ рано,
Души моей владычица,—любовь?
Иль сладкій ядъ минутнаго обмана
Мой бѣдный умъ не отуманитъ вновь?..

Она пришла,—какъ свѣтлый вѣстникъ рая,—
Опять восторгъ!.. и слезы!.. и мечты!..
Я счастлива, надѣясь и страдая,
И жизнь полна безсмертной красоты!

---

* * *

Что мнѣ въ томъ, что съ меня ты не сводишь очей?—
Я измучена тайной борьбой.
Въ мракѣ долгихъ ночей, въ мракѣ зимнихъ ночей,
Я хочу быть любимой тобой...

Цѣлый міръ упоенья во взорѣ твоемъ,
Что-жъ легло между нами стѣной?—
Вѣдь съ тобою вдвоемъ, въ наслажденьи одномъ,
Мы-бъ узнали восторгъ неземной!

УМѢЙ СТРАДАТЬ.

Когда въ тебѣ клеймятъ и женщину, и мать,—
За мигъ, одинъ лишь мигъ, украденный у счастья,
Безмолвствуя, храни покой безстрастья,—
Умѣй молчать!

И если радостей короткой будетъ нить,
И твой кумиръ тебя осудитъ скоро
На гнетъ тоски и горя, и позора,—
Умѣй любить!

И если на тебѣ избранія печать,
Но суждено тебѣ влачить ярмо рабыни,
Неси свой крестъ съ величіемъ богини,—
Умѣй страдать!

* * *

Азраилъ, печальный ангелъ смерти,
Пролеталъ надъ міромъ усыпленнымъ,
Блѣдный ликъ его сіялъ чудесно
Неземной и страшной красотою.

И роптал печальный ангелъ смерти:
— «Боже! все здѣсь любитъ и любимо,
И звѣзда съ звѣздою жаждетъ слиться,
Только я — одинъ страдаю вѣчно!

Все меня живое ненавидитъ
И встрѣчаетъ съ трепетомъ и страхомъ,
Не клянутъ меня одни лишь дѣти,
Только дѣти, ангелы земные!»...—

И роптал печальный ангелъ смерти,
Съ смоляныхъ рѣсницъ ронялъ онъ слезы,
И, упавъ на дно морской пучины,
Эти слезы обращались въ жемчугъ...

— Азраилъ! прекрасный ангелъ смерти!
Не роняй безцѣнный жемчугъ въ море,—
Безъ тоски, безъ трепета и страха
Жду съ тобой блаженнаго свиданья!

Отвори мнѣ дверь моей темницы,
Дай расправить связанныя крылья,—
И съ тобой я буду неразлучна,
И любить тебя я буду вѣчно!

ДВѢ КРАСОТЫ.

Лазурный день. На фонѣ бирюзовомъ,
Какъ изумрудъ, блеститъ нарядъ вѣтвей,
И шопотъ ихъ — о счастьѣ вѣчно-новомъ,
О счастьѣ жить — твердитъ душѣ моей.

Нѣмая ночь. Разсыпанныхъ надъ бездной —
Мерцанье звѣздъ въ далекой вышинѣ...
Въ груди тоска! — И рвусь я въ міръ надзвѣздный,
Хочу уснуть... и умереть во снѣ.

II

РУССКІЕ МОТИВЫ

ОСЕННЯЯ СКАЗКА.

I.

Сквозь прозрачную зелень березъ
Ярко пышетъ заря золотая;
Отражаясь на крыльяхъ стрекозъ,
На росинкахъ хрустальныхъ играя,
Смотритъ зорька въ оконце изъ стеколъ цвѣтныхъ,
Гдѣ, на бѣлую ручку головку склонивъ,
Горько плачетъ царевна младая.

II.

Алымъ свѣтомъ лучей залитой,
Блещетъ вѣнчикъ въ алмазномъ сіяньѣ...
Подъ воздушною, легкой фатой
Видно круглыхъ плечей очертанье...
Лебединая грудь, соболиная бровь,
На сердечкѣ печаль, а во взорахъ любовь,
А во взорахъ любовь и страданье...

III.

И вѣщаетъ ей зорька: «о чемъ
Ты грустишь въ этотъ вечеръ прекрасный?»
— «Ахъ, бывало, съ послѣднимъ лучомъ
Прилеталъ ко мнѣ соколъ мой ясный.

Прилетѣвъ, ударялся о землю крыломъ,
Становился... Но тяжко и вспомнить о томъ,
Кто разбилъ мое сердце напрасно!...

IV.

«Какъ терзаюсь и мучаюсь я—
Знаетъ Богъ да мое изголовье!..
Разлучила насъ злая змѣя,
Насмѣялась надъ нашей любовью.
Разъ, смотрю, на окнѣ во свѣтелкѣ моей
Вбито много ножей и желѣзныхъ гвоздей,
Орошенныхъ горячею кровью.

V.

«Съ той поры мой утраченъ покой...
Ты видала-ль, заря золотая:
На утесѣ, надъ бездной морской,
Есть чугунная башня литая,—
Тамъ лежитъ онъ больной, безъ движенья и силъ,
И не можетъ расправить израненныхъ крылъ,
И томится, меня проклиная!»...

VI.

Услыхавъ эти рѣчи, заря
Потускнѣла, подернулась мглою.
И потухли лучи, догоря
За высокой и темной горою...
Замеръ пташекъ въ кустахъ утомившійся хоръ,
И раскинула ночь свой лазурный шатеръ
Надъ окутанной мракомъ землею.

VII.

Позабылась царевна во снѣ,
Задремавъ у окна отпертого...
А надъ ней, въ серебристомъ челнѣ,
Выплылъ мѣсяцъ изъ міра ночного.
Онъ блеснулъ-заигралъ на алмазахъ вѣнца,
Освѣтилъ красоту молодого лица
И промолвилъ отрадное слово:

VIII.

—«Не печалься, царевна-краса!
Минетъ осень, отбудутъ морозы,—
Зашумятъ, зеленѣя, лѣса,
Заалѣютъ махровыя розы,
Пробудится природа отъ долгаго сна,
И чудеснѣй еще возродится весна,—
Съ ней любовь и любовныя грезы.

IX.

«Лишь начнетъ соловей запѣвать
И запахнетъ душистой сиренью—
Милый къ милой вернется опять,
И разсѣется грусть и сомнѣнье...
И забудутся злые осенніе сны
Подъ ласкающій шопотъ царицы-весны,
Подъ немолкнущій лепетъ и пѣнье».

24-го сентября 1890.
С.-Петербургъ.

ЗМѢЙ ГОРЫНЫЧЪ.

— Сжалься, сжалься, добрый молодецъ!
Кто-бы ни былъ ты, спаси меня!
Охъ, высокъ зубчатый теремъ мой,
Крѣпки стѣны неприступныя!..

Я росла-цвѣла въ семьѣ родной
Дочкой милой, ненаглядною;
Полюбилъ меня Горынычъ-Змѣй
Страстью лютою змѣиною.

Полюбилъ меня, унесъ меня
Въ дальній край за море синее,
Словно пташку въ клѣтку тѣсную —
Заключилъ въ неволю тяжкую...

Я уснула беззаботная
Въ свѣтлой горницѣ дѣвической,
Пробудилась,— изумилася
И глазамъ своимъ не вѣрила.

На спинѣ желѣзной чудища
Я неслась, какъ легкій вихрь степной,
Надъ горами, надъ оврагами,
Надъ пучинами бездонными.

Подо мной ширинкой пестрою
Разстилалися луга-поля,
Извивались рѣки быстрыя
И шумѣлъ дремучій, темный боръ.

Надо мною звѣзды частыя
Робко свѣтили, пугалися,
На меня смотрѣли жалостно
И давались диву-дивнаго.

А Горынычъ-Змѣй летѣлъ-свистѣлъ,
Изгибая хвостъ чешуйчатый,
Билъ по воздуху онъ крыльями,
Сыпалъ искрами огнистыми.

Онъ примчалъ меня, спустилъ меня
Во дворецъ свой заколдованный,
Обернулся статнымъ молодцемъ
И взглянулъ мнѣ въ очи ласково...

* * *

Какъ на утро я проснулася,
Обошла покои чудные,
Много злата, много серебра
Въ сундукахъ нашла я кованныхъ.

Убралась я золотой парчей,
Въ алый бархатъ нарядилася,
Нитью жемчуга бурмитскаго
Перевила косу русую...

Да какъ вспомнила про отчій домъ,
Про житье-бытье привольное,—
Заломила руки бѣлыя,
Залилась слезами горькими.

10*

Ахъ, на что мнѣ серьги цѣнныя,
Бусы — камни самоцвѣтные? —
Не верну я воли дѣвичьей,
Не узнаю сна покойнаго!

Не встрѣчать ужъ мнѣ весну-красну
Въ хороводѣ пѣньемъ-пляскою,
Не ласкать мнѣ мужа милаго,
Не качать дитя любимое.

День отъ дня все чахну, сохну я,
Давитъ грудь мою печаль-тоска...
Истомилъ меня проклятый Змѣй,
Сердце бѣдное повызнобилъ!..

Чу!.. Летитъ онъ!.. слышу свистъ его,
Вижу очи искрометныя...
Пропадай-же, грусть постылая,
Дай душѣ моей натѣшиться!..

Будутъ жечь меня уста его
Жарче зноя солнца лѣтняго,
Распалитъ онъ сердце ласками,
Отуманитъ разумъ чарами...

Добрый молодецъ, прости-прощай!
Проходи своей дорогою;
Не хочу я воли дѣвичьей,—
Мнѣ мила теперь судьба моя!

1891 г. 22-го января.

ЧЕРНЫЙ ВСАДНИКЪ.

— Дѣвицы, что за стукъ я слышу?
Милыя, что я слышу?
— Слышенъ конскій топотъ,
Раздается въ полѣ.

— Дѣвицы, кто-же въ полѣ ѣдетъ?
Милыя, кто тамъ скачетъ?
— Мчится черный витязь,
Самъ блѣднѣе смерти.

— Дѣвицы, отчего-жъ онъ блѣденъ?
Милыя, что такъ блѣденъ?
— Отъ тоски по милой,
Отъ разлуки съ нею.

— Дѣвицы, что-жъ онъ въ дверь стучится?
Милыя, что стучится?!
— По твою-ли душу,
По твою-ль младую.

— Дѣвицы, умирать такъ страшно!
Милыя, охъ, такъ страшно!
— Кто любилъ до гроба,
Тотъ сильнѣе смерти!

1893.
17-го сентября
Москва.

НАГОВОРНАЯ ВОДА.

У моей сестрицы Любушки,
Ненаглядная краса,—
Съ поволокой очи синія,
Свѣтло-русая коса.

«Словно бѣлая березынька
«Высока я и стройна»—
Предо мной, сестрою младшею,
Похвалялася она.

Всѣмъ была-бъ и я красавица,
Только ростомъ не взяла:
Какъ цыганка чернобровая—
И блѣдна-то, и мала.

Замужъ вышли мы по осени,—
Ей достался молодой,
А меня сосваталъ силою
Дѣдъ съ сѣдою бородой.

Кто заставитъ лебедь бѣлую
Злому коршуну служить?—
Кто прикажетъ мужа стараго
Молодой женѣ любить?..

Ахъ, зачѣмъ сгубили бѣдную!
Иль напрасно я весной
Умывалася до солнышка
Свѣжей утренней росой?

Иль напрасно ворожила я
Темной ночью до утра?...
Будь ты проклята, разлучница,
Ненавистная сестра!

II.

Распустился лѣсъ березовый,
Зеленъ, строенъ и высокъ...
— «Отпусти меня по ландыши,
Я сплету себѣ вѣнокъ!»

Не пустилъ меня суровый мужъ,
Но въ зеленый лѣсъ тайкомъ
Пробралася я и спряталась
За ракитовымъ кустомъ.

У ракиты той по камушкамъ,
Во оврагѣ во крутомъ,
И журчалъ, и пѣлъ студеный ключъ
Переливнымъ серебромъ.

Наклонилась я надъ зыбкою,
Надъ холодною волной
И шепнула слово тайное:
— «Кто напьется, будетъ мой!»

И вспѣнилась бѣлымъ яхонтомъ
Наговорная волна,
Налила струей гремучею
Золотой кувшинъ сполна...

III.

Тише пойте, пташки пѣвчія...
Иль послышалося мнѣ?—
Словно кто-то, звонкимъ топотомъ,
Подъѣзжаетъ на конѣ?..

И подъѣхалъ—не сторонній кто,
А своякъ мой молодой,
И промолвилъ мнѣ:—«красавица,
«Напои меня водой!»

Затаила я, запрятала
Злобной радости слѣды
И дала ему съ усмѣшкою
Заколдованной воды.

Лишь отпилъ онъ, самъ не вѣдая,
Наговорнаго питья,—
Какъ смѣнилась долей сладкою
Участь горькая моя,—

Всю-то ночь въ лѣсу березовомъ
Мы смѣялись до утра
Надъ тобой, постылый, старый мужъ
И разлучница-сестра!..

1893.
23-го ноября.

ЧАРЫ ЛЮБВИ.

—

— Есть-ли счастье на свѣтѣ сильнѣй любви?

—

Каждый вечеръ ждала я желаннаго,
Каждый вечеръ къ окну подходила я...
Не проѣхалъ-ли мимо возлюбленный?
Не видалъ-ли кто?

Онъ въ доспѣхи закованъ желѣзные,
Онъ мечомъ опоясанъ сверкающимъ,
И горитъ, и играетъ въ рукахъ его
Золоченый щитъ...

Стало солнце склоняться къ сырой землѣ,
Потянулися тѣни неровныя;
Вижу, выѣхалъ изъ лѣсу милый мой
На конѣ своемъ...

Я одѣлась зарею вечернею,
Я украсилась розами вешними
И, разсыпавъ красу золотистыхъ косъ,
Подошла къ окну.

—

— Есть-ли счастье на свѣтѣ сильнѣй любви?

—

Лишь со мной поровнялся возлюбленный,
Улыбнулась ему я привѣтливо
И съ улыбкою тихо промолвила:
«Полюби меня!»

«О, возьми ты меня на коня къ себѣ,
«Золоченымъ щитомъ ты прикрой меня,
«Увези меня въ даль недоступную,
«Въ твой чудесный край!»

Наклонилася я изъ окна къ нему,—
И посыпались розы изъ косъ моихъ
Вороному коню его подъ ноги,
И измялъ ихъ конь...

И ни слова мнѣ милый не вымолвилъ,
Онъ не поднялъ забрала желѣзнаго,
Лишь обжегъ меня взглядомъ очей своихъ
И исчезъ, какъ сонъ...

—

— Есть-ли горе на свѣтѣ сильнѣй тоски?

—

Собрала я цвѣты запыленные,
Положила ихъ на ночь на грудь свою,
И сгорѣли они, словно уголья,
Отъ тоски моей...

Цѣлый годъ ожидала я милаго
И волшебными тайными чарами
Закалила красу мою гордую,
Непобѣдную.

Соткала я одежду изъ мглы ночной,
Я надѣла вѣнецъ изъ небесныхъ звѣздъ
И, умывшись росой, опоясалась
Яснымъ мѣсяцемъ.

И, облитая дивнымъ сіяніемъ,
Вышла я на крыльцо, на дубовое,
Ожидать своего ненагляднаго
Изъ далекихъ странъ.

—

— Есть-ли счастье на свѣтѣ сильнѣй любви?

—

Я узнàю его и средь сумрака! —
Сквозь забрало горитъ блескъ очей его,
Изъ-подъ шлема по вѣтру волнуются
Кудри черные!...

Лишь со мной поровнялся возлюбленный,
За узду я схватила коня его —
И смѣясь, и рыдая, воскликнула:
«Полюби меня!

«Для тебя я одѣлась въ ночную мглу,
«Для тебя нарядилась въ вѣнецъ изъ звѣздъ
«И, умывшись росой, опоясалась
«Яснымъ мѣсяцемъ...

«О, скажи мнѣ, теперь — я мила-ль тебѣ?...
«Увезешь-ли меня ты въ свой чудный край?»
Но ни слова въ отвѣтъ мнѣ не вымолвилъ
Мой возлюбленный...

—

— Есть-ли горе на свѣтѣ сильнѣй тоски?

—

И на землю отъ муки я бросилась,
Чтобъ меня растопталъ онъ конемъ своимъ!...
Но взвился и прыгнулъ его черный конь
И пропалъ во тьмѣ...

И катилися слезы изъ глазъ моихъ,
Застывали онѣ на груди моей,
А наутро, смотрю я, блестятъ онѣ
Скатнымъ жемчугомъ.

Я послушалась голоса тайнаго:
Коль безсильны всѣ чары недобрыя,
Такъ поможетъ мнѣ сила небесная,
Сила Божія!

Цѣлый годъ я молилась и плакала,
Разодрала одежды волшебныя
И надѣла вериги тяжелыя
На младую грудь.

—

— Слава Богу на небѣ и миръ землѣ!

—

Вотъ настало и утро желанное, —
Расцвѣло въ моемъ садикѣ деревцо,
Все покрыто цвѣтами душистыми,
Бѣлоснѣжными.

На востокѣ заря занималася,
Ярко вспыхнуло небо лазурное...
Вижу, ѣдетъ опять мой возлюбленный
На конѣ своемъ.

И смутилася я, и запряталась
За моимъ расцвѣтающимъ деревцомъ,
За цвѣтами моими душистыми,
Бѣлоснѣжными.

Лишь подъѣхалъ поближе возлюбленный —
Приглянулось ему мое деревцо,

Началъ рвать онъ цвѣты бѣлоснѣжные...
И нашелъ меня...

—

— Есть-ли счастье на свѣтѣ сильнѣй любви?

—

Распустила я волны волосъ моихъ
И закрылася ими отъ милаго,
Но не скрылись вериги тяжелыя
Отъ очей его.

Наклонился ко мнѣ мой возлюбленный,
Приподнялъ онъ забрало желѣзное,
И увидѣла я лучезарный ликъ
Неземной красы!

Взялъ мой милый тогда меня за руки,
Крѣпко къ сердцу прижалъ и промолвилъ мнѣ:
«Ты теперь мнѣ милѣй свѣта бѣлаго,
«Я люблю тебя!»

Посадилъ онъ меня на коня къ себѣ
И щитомъ золоченымъ прикрылъ меня,
И умчалъ меня въ даль недоступную,
Въ свой чудесный край...

—

— Слава тѣмъ, чья любовь побѣждаетъ смерть!

—

ВИХОРЬ.

Вихорь въ небѣ поднялся,
Закружился, завился,
Взвилъ столбомъ песокъ и пыль
Со степной травой — ковыль.

Легкой птицей на конѣ,
Станомъ гибкимъ наклонясь,
Мчится съ вѣтромъ наравнѣ
Молодой татарскій князь.

Полнъ отваги жгучій взглядъ,
Блещетъ золотомъ нарядъ,
Кровь горячая сквозитъ
Сквозь загаръ его ланитъ.

— Вѣтръ! — зоветъ онъ, — улетай
Отъ родныхъ моихъ степей,
Вѣсть неси въ далекій край
Полоняночкѣ моей.

На горѣ стоитъ крутой
Свѣтлый теремъ золотой; —
Тамъ давно груститъ она
У косящата окна.

Чище снѣга и сребра
Томный цвѣтъ ея лица,
Брови — ночь среди утра,
Взоръ — блаженство безъ конца.

Очи — моря глубина,
Грудь — зыбучая волна,
Въ кудряхъ — блескомъ янтаря —
Заигралася заря.

Но скрываетъ красоту
Бѣлоснѣжная фата,
Лишь алѣютъ сквозь фату
Розы вешнія — уста...

Ты шепни ей: «помнитъ онъ,
Вновь примчится и, въ полонъ
Захвативъ къ себѣ опять, —
Ужъ не дастъ тебя отнять!»

Ты шепни ей: «не грусти!
Коль тебѣ былого жаль, —
Я разсѣю по пути
Всю тоску твою, печаль!»

Вмигъ улегся вихрь кругомъ,
Взвѣялъ легкимъ вѣтеркомъ
И понесся съ вѣстью той
Въ свѣтлый теремъ золотой...

1894.
23-го апрѣля.

III

СОНЕТЫ

СОНЕТЪ I.

Люблю твое лицо въ блаженный часъ ночной;
Преображенныя волшебницей луной —
Блѣдны твои черты, и пламенныя очи
Горятъ, какъ двѣ звѣзды, во мракѣ полуночи.

Люблю я наблюдать, какъ чудно меркнетъ въ нихъ
Подавленный огонь безумнаго желанья,
То вспыхнетъ... то замретъ... И нѣги трепетанье
Блистаетъ глубоко въ тѣни рѣсницъ густыхъ...

Люблю я этотъ взоръ, чарующій и властный,
Когда дрожишь ты весь въ истомѣ сладострастной...
И, голову съ мольбой на грудь твою склонивъ,

Изнемогаю я отъ счастія и муки...
И силы падаютъ... и холодѣютъ руки...
И страсти бѣшеной я чувствую приливъ!..

1890.

11*

СОНЕТЪ II.

О, знаю я, какъ чуденъ темный лѣсъ,
Окутанный душистой мглой ночною!
Но замѣнитъ-ли мнѣ весь міръ чудесъ
Сокровище, утраченное мною?

О, знаю я, какъ хороша луна,
Сквозь чащу сосенъ золотомъ блистая!
Но не сулитъ мнѣ счастія она,—
Краса небесъ, царица золотая...

Нѣтъ, не зови!.. Я не приду опять...
Зачѣмъ напрасно страсти возбуждать
И упиваться ядомъ поцѣлуя,

Когда нельзя на мигъ забыться мнѣ,
Ни насладиться жизнію вполнѣ...
Когда тебѣ отдаться не могу я?

1890.
29-го іюля.

СОНЕТЪ III.

Палящій зной смѣнилъ тепло весны
И шлетъ землѣ губительныя ласки...
О, посмотри, какъ лиліи блѣдны
И какъ фіалокъ потемнѣли глазки!

А красный макъ... весь рдѣетъ онъ, взгляни!
Жасмины мнѣ во всемъ признались сами...
Ты хочешь знать, о чемъ всю ночь они
Шепталися съ далекими звѣздами?

Но я не выдамъ бѣдные цвѣты,
Я замолчу... А то узнаешь ты,
Что ихъ тоской душа моя больная

Давно томится въ сумракѣ ночномъ,
Что ихъ недугъ мнѣ близокъ и знакомъ,
И что такимъ-же солнцемъ сожжена я!

1890.

СОНЕТЪ IV.

Съ томленьемъ и тоской я вечера ждала;
И вотъ, сокрылся дискъ пурпурнаго свѣтила,
И вечеръ наступилъ, и синей дымкой мгла
И горы, и поля, и лѣсъ заворожила.

Желанный часъ насталъ... Но свѣтлыя мечты
Не озарили счастьемъ грудь мою больную,—
Одна, при видѣ тайнъ вечерней красоты,
Еще мучительнѣй томлюсь я и тоскую.

Какъ хорошо вокругъ... Зачѣмъ-же грустно мнѣ?
Должно-быть счастья нѣтъ ни въ розахъ, ни въ лунѣ,
Ни въ треляхъ соловья, ни въ грезахъ вдохновенья,

Должно-быть есть другой могучій талисманъ,—
Не блѣдная мечта, не призрачный обманъ,
Но жизни вѣчный смыслъ и цѣль, и назначенье...

1890.

СОНЕТЪ V.

Въ святилище боговъ пробравшійся, какъ тать,
Пытливый юноша осмѣлился поднять
Таинственный покровъ карающей богини,
Взглянулъ — и мертвый палъ къ подножію святыни.

Счастливымъ умеръ онъ, — онъ видѣлъ вѣчный свѣтъ,
Безсмертнаго чела небесное сіянье,
Онъ истину позналъ въ блаженномъ созерцаньѣ,
И разумъ, и душа нашли прямой отвѣтъ.

Не смерть страшна, о нѣтъ, — мучительнѣй сознанье,
Что бродимъ мы во тьмѣ, что скрыто пониманье
Глубокихъ тайнъ, чѣмъ міръ и чуденъ, и великъ,

Что не выносимъ мы богини дивной вида...
Коль жизнь моя нужна, бери ее, Изида,
Но допусти узрѣть божественный твой ликъ!

1891.

ОСЕННІЙ СОНЕТЪ.

Давно-ли Божій міръ былъ полонъ обаянья,
Шумѣлъ зеленый лѣсъ и ландыши цвѣли?
Какъ высоко тогда неслись мои мечтанья,
Какое счастіе свѣтилось мнѣ вдали!

Молящая тепла душа была согрѣта...
Забыться хоть на мигъ—такъ сладко было мнѣ!..
И я забылася въ блаженномъ полуснѣ,
Подъ ласками любви, въ усладахъ знойныхъ лѣта...

Дни упоенія, куда летите вы?
О, не спѣшите такъ, помедлите!.. Увы,
Возврата больше нѣтъ!.. Безсильно негодуя

И чувствуя зимы дыханье надъ собой,
Слабѣю я въ борьбѣ съ безрадостной судьбой...
И жизни мнѣ не жаль, и умереть хочу я!

1891.

СОНЕТЪ VII.

Твои глаза черны, какъ мракъ Эреба,—
Не оттого-ль, что адъ въ груди твоей?
Что надъ тобой любви закрылось небо,
Померкло солнце,—счастье прежнихъ дней?

О, не грусти,—тебя я обожаю!—
Моя душа тобой однимъ полна;
Какъ Пери льнетъ къ потерянному раю,—
Такъ о тебѣ тоскуетъ вновь она.

Вчера была я холодна съ тобою
Лишь для того, чтобъ чувству отдыхъ дать;
Сегодня-же, ты видишь, я опять

Послушною готова быть рабою...
Пойми меня, повѣрь моей любви—
И страсть мою капризной не зови.

1892.

IV

ПОДЪ НЕБОМЪ ЭЛЛАДЫ

ЭЛЛАДА.

I.

Туда, туда, въ страну цвѣтущихъ розъ,
Гдѣ Зевсу гимнъ возноситъ Филомела,—
Стремится рой моихъ крылатыхъ грезъ,
Тамъ жить-бы я и умереть хотѣла!
Мнѣ кажется, какъ будто прежде тамъ
Любила я, томилась и желала...
И, волю давъ причудливымъ мечтамъ,
Лечу туда, гдѣ я жила сначала,
Къ невозвратимо-канувшимъ годамъ,
Къ инымъ минутамъ счастья и печали,
Когда меня Тимандрой называли...
Свои мечты я въ строфахъ передамъ,
Затѣмъ что ближе къ музыкѣ созвучій
И лепетъ волнъ, и кедра шумъ могучій.

II.

Какъ въ смутномъ снѣ, я помню знойный день:
Держа въ рукахъ цвѣточныя корзины,
Усталая я сѣла на ступень
У пьедестала мраморной Аѳины.
Былъ полонъ рынокъ, солнцемъ залитой,
Кипѣла жизнь роскошная Эллады,
Плѣняли взоръ изящной простотой

Красавицъ стройныхъ легкіе наряды.
Какъ много лицъ мелькало предо мной:
Философы, носильщики, рабыни...
Звучалъ языкъ, забытый мною нынѣ,
Но нѣкогда и близкій, и родной,
И падала, журча, струя фонтана
Изъ губъ открытыхъ каменнаго Пана...

III.

Но вотъ нежданно я окружена
Ораторовъ толпой краснорѣчивой;
Кому гвоздика пышная нужна,
Кому—корзина съ жгучею крапивой
(Невзрачное растенье, но оно
Одобрено безсмертной Афродитой
И почему-то ей посвящено),
Кому—вѣнокъ изъ розъ, плющомъ увитый,
Иль алый макъ, простой цвѣтокъ полей,
Желанный тѣмъ, что намъ даетъ забвенье,—
Черезъ него въ блаженномъ сновидѣньѣ
Покинутымъ отраду шлетъ Морфей;
Его потомъ я оцѣнила тоже,
Тогда-жъ—фіалки были мнѣ дороже.

IV.

И на груди лиловенькій букетъ
Я спрятала рукою торопливой,
Сказавъ: «въ лѣсу фіалокъ больше нѣтъ!»
Ораторовъ толпѣ краснорѣчивой.
Ахъ, есть межъ ними юноша одинъ:
Зеленый лавръ чело его вѣнчаетъ,
Онъ говоритъ—и молкнетъ шумъ Аѳинъ,

И съ трепетомъ народъ ему внимаетъ!
Никто, какъ онъ, на лѣвое плечо
Такъ царственно не можетъ плащъ закинуть
Иль взглядомъ гордымъ вкругъ себя окинуть,
Когда, съ врагами споря горячо,
Онъ вступится за честь родного края
И рѣчь его гремитъ, неумолкая...

V.

Но не со мной онъ грозенъ и суровъ,
Мнѣ ласкъ его знакома страсть живая...
Я встрѣтилась съ соперникомъ боговъ,
Душистыя фіалки продавая.
И предложила я ему цвѣты,
Пролепетавъ привѣтствіе простое,—
Онъ принялъ ихъ.—Сбылись мои мечты
Въ тотъ свѣтлый мигъ, въ то утро золотое!..
Съ тѣхъ поръ всегда лиловенькій букетъ
Скрываю я на днѣ своей корзины
И жду его у мраморной Аѳины,
Твердя другимъ: «фіалокъ больше нѣтъ!»
Сама фіалкой сдѣлаться желая,
Чтобы ему отдать себя могла я!..

IV.

Куда спѣшитъ, волнуяся, народъ?
Что тамъ за гулъ, за крики изступленья?
Кто тамъ съ челомъ увѣнчаннымъ идетъ,
Какъ славный вождь, окончившій сраженье?..
То онъ, то онъ, его я узнаю!
Но кто она, красавица чужая?
Зачѣмъ ей руку подалъ онъ свою,

Ее съ восторгомъ счастія встрѣчая?
Красивъ ея обдуманный нарядъ,
Какъ бабочка весной—она одѣта...
Но кто-жъ она?—«Гетера изъ Милета»,
Мнѣ изъ толпы съ насмѣшкой говорятъ.
Гетера?—да! Но какъ блѣдны и жалки
Предъ этой розой скромныя фіалки!

VII.

Периклъ, Периклъ! меня не видишь ты?
Не подаришь улыбкою привѣта?
О, пусть дождемъ летятъ къ тебѣ цвѣты,
Къ твоимъ ногамъ не брошу я букета!
Нѣтъ, я горда, и не хочу я быть
Соперницей съ продажною гетерой,
Забытая—сумѣю позабыть
Свою любовь съ поруганною вѣрой.
Косматый фавнъ давно въ меня влюбленъ
И отъ меня онъ жаждетъ поцѣлуя;
Къ нему на лугъ сегодня убѣгу я,
Хоть, правда, онъ неловокъ и смѣшонъ,
Какъ-будто—хромъ, какъ-будто—косъ немного,
Зато женой я буду полубога.

VIII.

И вотъ, изъ мести къ милому врагу,
Цвѣтами фавну рожки обвила я,
Заставъ его уснувшимъ на лугу,
И разбудила... Очи протирая,
Проснулся фавнъ,—къ смѣющимся устамъ,
Какъ флейту, онъ прижалъ тростникъ прибрежный
И зазвучалъ по рощамъ и лугамъ

Пѣвучій звукъ, ласкающій и нѣжный.
На этотъ зовъ откликнулся народъ
Кудрявыхъ фавновъ, хитрый и задорный,
Пришелъ сатиръ, покрытый шерстью черной,
Сбѣжалися нагія нимфы водъ,
И закружился въ пляскѣ хороводной
Весь этотъ міръ безпечный и свободный...

IX.

И я... я тоже счастлива была!
Забывъ измѣны легкую невзгоду,
Я виноградомъ кудри убрала
И къ рѣзвому примкнула хороводу.
Забыто все: Периклъ... любовь... тоска...
И торжество Аспазіи презрѣнной...
Казалась жизнь свѣтла и широка
Подъ эти звуки пѣсни вдохновенной!..
Любовь, какъ солнце, тѣмъ такъ хороша,
Что краситъ все для любящаго взора,
Весельемъ грусть въ душѣ смѣняетъ скоро,
Затѣмъ что къ свѣту просится душа,
Что ею лишь мы счастливы и рады...
Для жизни жить,—таковъ законъ Эллады.

1892.

ГИМНЪ АФРОДИТѢ.

I.

Я вѣрю вновь; страданья мной забыты,
Минуло время слезъ...
О, дайте мнѣ любимицъ Афродиты,
Махровыхъ, алыхъ розъ!

Я обовью гирляндою живою
Чело и грудь свою,
Въ честь «златокудрой» лиру я настрою
И гимнъ любви спою.

И, можетъ быть, ко мнѣ добрѣе станетъ
Богиня красоты
И на меня привѣтливѣе взглянетъ
Съ лазурной высоты;

Пошлетъ мнѣ миръ, а съ нимъ и упованье,
И воспою я вновь:
И шопотъ волнъ, и лунное сіянье,
И розы, и любовь!

II.

Вѣетъ прохладою ночь благовонная,
И надъ прозрачной водой—
Ты, златокудрая, ты, златотронная,
Яркою блещешь звѣздой.

Что же, Киприда, скажи, свѣтлоокая,
Долго-ль по волѣ твоей,
Будетъ терзать эта мука жестокая
Страстныя души людей?

Тамъ, на Олимпѣ, въ чертогахъ сіяющихъ,
Въ дивномъ жилищѣ боговъ,
Слышишь ли ты эти вздохи страдающихъ,
Эти молитвы безъ словъ?

Слышишь, какъ трепетно неугомонное
Бьется въ усталой груди?
Ты, златокудрая, ты, златотронная,
Сердце мое пощади!

ЛЕГЕНДА ЖЕЛТЫХЪ РОЗЪ.

Мы на холмѣ священномъ расцвѣли,
Подъ тѣнью миртъ; межъ нашихъ кущъ, въ пыли
Рукою времени безжалостной разбиты,
Лежатъ развалины: здѣсь прежде чудный храмъ
Воздвигнутъ былъ въ честь юной Афродиты,—
Пріютъ любви и смертнымъ, и богамъ,
Гдѣ голуби Кипридины, воркуя,
Не заглушали звуковъ поцѣлуя,
И не смущалъ бряцаніемъ цѣпей
Влюбленныхъ паръ докучный Гименей...
И мы росли,—мы пышно увядали,
И вновь цвѣли, и осыпались вновь;
Мы алымъ цвѣтомъ взоры восхищали,—
И цвѣтъ нашъ означалъ любовь.

Но разъ къ порогу мраморной святыни
Пришла красавица, печальна и блѣдна,
Съ осанкой царственной и поступью богини
Приблизясь къ храму, молвила она:
— «Сюда, въ жилище грацій и харитъ,
Пришла и я, истерзана тоскою...
Здѣсь все блистаетъ радостью одною,
Все о любви, о счастьи говоритъ...

Вокругъ меня повсюду розы, розы...
Завидую вамъ, милые цвѣты:
Вы счастливы... Богиня красоты,
Тебѣ несу моленія и слезы!..
Пойми меня!.. я гибну... пощади!..
Перстами дивными коснись моей груди...
Ужель навѣкъ мои исчезнутъ грезы,
Какъ сладостный, какъ мимолетный сонъ?
И не пойметъ, и не узнаетъ онъ,
Какъ я... Сильнѣй благоухайте, розы,
И заглушите сердца стонъ!..»

Такъ говоря, она смотрѣла внизъ,
Гдѣ на ристалищѣ, луною освѣщенный,
Межъ сверстниковъ, прекрасный, какъ Парисъ,
Стоялъ Тезея сынъ. Борьбою увлеченный,
Метая дискъ искусною рукой,
Не видѣлъ онъ въ игрѣ своей безпечной,
Какъ чей-то взоръ съ безумною тоской
Въ него впивался, съ нѣжностью такой
И мукой страсти безконечной...

— «Я помню день, шептала вновь она,—
Когда, надеждъ на счастіе полна,
Впервые я подъ мужній кровъ вступила,
Столь дорогой и ненавистный мнѣ,
Гдѣ думала въ спокойной тишинѣ
Прожить всю жизнь... и гдѣ ее разбила!..
Мой брачный пиръ ужъ подходилъ къ концу,
Когда я юношу прелестнаго узрѣла...
Вѣнокъ изъ бѣлыхъ розъ такъ шелъ къ его лицу...
Не знаю, почему спросить я не посмѣла,
Кто онъ; но все мнѣ нравилося въ немъ:
И взоръ его, пылающій огнемъ,

И кудри черныя, упавшія на плечи,
И стройный станъ, и мужественный видъ,
И легкій пухъ его ланитъ,
Спаленныхъ солнцемъ... голосъ!.. рѣчи!..
О нѣтъ! — то былъ не человѣкъ, а богъ!..
Никто изъ смертныхъ, изъ людей, не могъ
Вмѣстить въ себѣ такія совершенства!...
Онъ былъ хорошъ, какъ юность, какъ любовь!..
И вмигъ ключомъ моя забила кровь,
Вся трепетала я отъ муки и блаженства...
И пышный пиръ былъ мною позабытъ;
Я все смотрѣла, глазъ не опуская,
На милый ликъ.— «Вотъ, Федра дорогая,—
Сказалъ Тезей,—мой сынъ, мой Ипполитъ;
Люби его»... И я его люблю!...
Киприда свѣтлая! одинъ лишь мигъ, молю,
Дай счастья мнѣ!... О, только мигъ одинъ!..
Сюда,—ко мнѣ!.. мой другъ!.. мой богъ!.. мой сынъ!

Но вздохи страсти эхо, разнося,
Одно ей вторило... И изнывала вся,
И плакала она отъ тягостной печали,
Отъ безнадежной, пламенной тоски...
А мы сильнѣй, сильнѣй благоухали,
И... пожелтѣли наши лепестки!

Съ тѣхъ поръ прошло, должно быть, много лѣтъ.
Разрушенъ храмъ безсмертной Афродиты,
И жертвенникъ погасъ, и гимны позабыты...
А мы живемъ... Насъ нѣжитъ солнца свѣтъ,
Къ намъ соловьиныя несутся трели...
Но грустно намъ звучитъ любви привѣтъ,—
Мы отъ тоски, отъ горя пожелтѣли!...
Нашъ ненавистный, нашъ презрѣнный цвѣтъ

Не радуетъ ужъ болѣ взоръ влюбленныхъ,—
То скорби цвѣтъ, страданій затаенныхъ,
Преступной страсти, ревности сокрытой,
Любви отвергнутой и мести ядовитой!..

1889.

САФО.

Темноокая, дивная, сладостно-стройная,
Вдохновеній и пѣсенъ безсмертныхъ полна—
На утесѣ стояла она...
Золотилася зыбь безпокойная,
На волну набѣгала волна.

Вѣтерокъ легкокрылый, порой налетающій,
Край одежды широкой ея колыхалъ...
Разбивался у ногъ ея валъ...
И лучъ Феба, вдали догорающій,
Ее свѣтомъ прощальнымъ ласкалъ.

Небеса такъ привѣтно надъ нею раскинулись,
Въ глубинѣ голубой безмятежно свѣтло...
Что-жъ ее опечалить могло?
Отчего брови пасмурно сдвинулись
И прекрасное мрачно чело?

Истерзала ей душу измѣна коварная,
Ей,—любимицѣ музъ и веселыхъ харитъ...
Семиструнная лира молчитъ...
И Лесбоса звѣзда лучезарная
Въ даль туманную грустно глядитъ.

Все глядитъ она, молча, съ надеждой сердечною,
Съ упованьемъ въ измученной страстью груди,—
Не видать ли знакомой ладьи...
Но лишь волны грядой безконечною
Безучастно бѣгутъ впереди...

1889.

НЕВИННОСТЬ И ЛЮБОВЬ.

Въ одеждѣ воздушной, подобная чистой лилеѣ,
Ребенокъ-красавица ниткой опуталась длинной;
На ниткѣ привязанный, горнаго снѣга бѣлѣе,
Блистающій голубь вился надъ головкой невинной.

Эротъ увидалъ... Загорѣлись лукавые глазки:
«Дай птичку погладить!» — звучитъ голосокъ его нѣжный.
Незлобное сердце склонилось на просьбы и ласки,—
И въ ручки Эрота попалъ голубокъ бѣлоснѣжный.

Въ мигъ пальчикомъ ловкимъ оборвана нить золотая,—
Хорошенькій плѣнникъ исчезъ, упорхнулъ, какъ видѣнье...
«Поймай, если можешь!» Эротъ прокричалъ, улетая,
И смѣхъ его чудный, какъ музыка, стихъ въ отдаленьѣ.

ПАСТУШКА И ЭРОТЪ.

I.

Умѣрилъ зной прохладный вѣтерокъ;
Отъ дальнихъ горъ легли на землю тѣни;
Я доплести спѣшила свой вѣнокъ
Изъ ландышей, фіалокъ и сирени.
Какъ вдругъ, смотрю, стоитъ передо мной
Шалунъ Эротъ съ колчаномъ за спиной
И, будто тѣшась новою забавой,
Глядитъ въ упоръ съ улыбкою лукавой.

II.

И страненъ былъ, и чуденъ взоръ его,
Загадочная въ немъ таилась сила...
И я, сама не знаю отчего,
Вся вспыхнула... и очи опустила...
А богъ любви небрежный бросилъ взглядъ
На скромный мой пастушескій нарядъ,
Украшенный гирляндою душистой,
И покачалъ головкой золотистой.

III.

«Все полевые дикіе цвѣты!
«Я не люблю мечтательныхъ фіалокъ
«И ландыша холодной красоты.
«Брось твой вѣнокъ!—безцвѣтенъ онъ и жалокъ;
«Тебѣ взамѣнъ цвѣтовъ любви я дамъ...»
Тутъ ворохъ розъ упалъ къ моимъ ногамъ
И всѣ цвѣта: пурпурный, бѣлый, алый,
Смѣшалися съ красою небывалой...

IV.

Ихъ нѣжный видъ меня очаровалъ,
Плѣнили сердце пламенныя краски...
«Онѣ твои!»... мнѣ мальчикъ прошепталъ,
И ласково его блеснули глазки.
«Клянусь тебѣ безсмертіемъ боговъ,—
«Въ уборѣ пышномъ царственныхъ цвѣтовъ
«Ты прелестью и граціей своею,
«Красавица, затмишь мою Психею!»

V.

«Когда-жъ угаснетъ молодости жаръ
«И отцвѣтутъ поблекшія ланиты,
«Повѣрь, тебѣ не принесетъ свой даръ
«Прекрасный сынъ богини Афродиты.
«Минувшее не возвратится вновь...
«Ужъ не придетъ крылатая любовь,
«И поздняго раскаянія слезы
«Не оживятъ увянувшія розы».

VI.

Въ пятнадцать лѣтъ кто опытомъ богатъ?..
Къ цвѣтамъ любви склонилась я невольно,
Влюбленная въ ихъ блескъ и ароматъ,
Схватила ихъ—и укололась больно!
Эротъ исчезъ... Спасибо за урокъ!
И, вся въ слезахъ, я бросила въ песокъ,
Что за минуту было мнѣ такъ мило...
Ахъ!.. про шипы-то я и позабыла!..

1890.

САФО ВЪ ГОСТЯХЪ У ЭРОТА.

(Фантазія).

Безоблачнымъ сводомъ раскинулось небо Эллады;
Лазурнаго моря спокойны прозрачныя воды;
Средь рощъ апельсинныхъ бѣлѣютъ дворцовъ колоннады,
Созданія смертныхъ слились съ совершенствомъ природы.

О, тутъ-ли не жизнь, въ этой чудной странѣ вдохновенья,
Гдѣ все лишь послушно любви обольстительной власти?
Но здѣсь, какъ и всюду, таятся и скорбь, и мученья;
Гдѣ волны морскія — тамъ бури, гдѣ люди — тамъ страсти.

На холмъ близъ Коринѳа, гдѣ высится храмъ Афродиты,
Печальная путница всходитъ походкой усталой;
Разбросаны кудри, сандаліи пылью покрыты
И къ поясу лира привязана лентою алой.

Уже доносились къ ней смѣха и пѣнія звуки,
Ужъ вѣялъ зефиръ, ароматами розъ напоенный...
Къ стѣнѣ заповѣдной съ мольбой подняла она руки,
И тихо «люблю!» прошепталъ ея голосъ влюбленный.

Вмигъ дверь отворилась отъ силы волшебнаго слова,
И взорамъ пытливымъ представился садъ Афродиты,
Гдѣ въ каждомъ цвѣткѣ всѣ услады блаженства земного,
Любви торжествующей, были незримо разлиты.

Прекрасныя дѣти: Нарциссъ, Ганимедъ и другіе
Оставили игры и путницу всѣ обступили.
«Могу-ли я видѣть Киприду, мои дорогіе?»
Спросила ихъ дѣва, хитонъ отряхая отъ пыли.

— Богини нѣтъ дома,—Нарциссъ отвѣчалъ безъ смущенья.
— На свадьбу въ Милетъ пригласили ее и Гимена;
Но съ нами Эротъ,—передъ нимъ ты повергни моленья,
Да кстати, о милая, выпусти крошку изъ плѣна! —

Тутъ мальчикъ раздвинулъ жасмина пахучія вѣтки...
Прелестный ребенокъ, сложивъ мотыльковыя крылья,
Въ оковахъ лежалъ въ глубинѣ позолоченной клѣтки
Съ унылымъ сознаньемъ неволи, тоски и безсилья.

— «Клянуся Кипридой, терплю понапрасну я, дѣва!
За дѣтскую шалость томлюсь я теперь въ заключеньи!» —
Вскричалъ онъ, и глазки его заблистали отъ гнѣва,
А пухлыя ручки рѣшетку трясли въ нетерпѣньи.

Красавица камень схватила; подъ сильнымъ ударомъ
Замки обломились, и тѣсная клѣтка открыта.
— Однако признайся, Эротъ, вѣдь навѣрное даромъ
Любимаго сына не стала-бъ карать Афродита?» —

— «Ну, вѣришь-ли, даже не стоитъ разсказывать, право.
Однажды, на праздникъ въ Аѳины отправились боги,
А я сговорился (не правда-ль, пустая забава?)
Съ друзьями моими разграбить Олимпа чертоги.

Со мной во главѣ всѣ за дѣло взялись, не робѣя:
Кто тащитъ сандаліи, посохъ и шляпу Гермеса,
Кто — тирсъ Діониса, кто — шлемъ и доспѣхи Арея,
Кто — лукъ Артемиды, кто — жезлъ и перуны Зевеса.

Затѣмъ мы поспѣшно спустилися въ садъ Афродиты
И въ розовыхъ кущахъ добычу запрятали тайно.
Никто-бъ не узналъ, гдѣ пропавшія вещи сокрыты,
Когда-бы Гименъ не провѣдалъ объ этомъ случайно.

Докучный мальчишка! Я это ему не забуду,
Не дамъ похваляться Гефеста горбатаго сыну!
Иль мало ему, что отъ тяжкихъ цѣпей его всюду
Лишь ссоры однѣ, о влюбленныхъ-же нѣтъ и помину!—

— Нѣтъ, мальчикъ,—отвѣтила дѣва,—ты ропщешь напрасно,—
Меня не связуютъ желанныя узы Гимена,
А я... я страдаю! Фаона любила я страстно,
И камнемъ тяжелымъ мнѣ грудь его давитъ измѣна!

— «Мы горю поможемъ,—Эротъ улыбнулся,—тобою
Спасенный отъ клѣтки,—тебя наградить я сумѣю.
Подай-ка мнѣ лиру; я такъ ее нѣжно настрою,
Что милаго сердце вернешь ты навѣрное ею!»—

И точно, когда, возвратившись къ себѣ въ Митилены,
Въ божественныхъ строфахъ «десятая муза» воспѣла
Могущество вѣчное сына «рожденной изъ пѣны»,
Измѣнникъ вернулся и сердце ей отдалъ всецѣло...

* * *

Безсмертнаго имени слава объемлетъ полъ-міра!
Блаженъ, кто избѣгнулъ волны поглощающей Леты,
Чья, чести достойная, лавромъ увѣнчана лира,—
Награда, которой понынѣ гордятся поэты!

1891.
21-го апрѣля.

СОДЕРЖАНІЕ.

1894.

1895.

Русскіе мотивы.

Сонеты.

Подъ небомъ Эллады.

ИЗДАНІЯ А. С. СУВОРИНА:

Лохвицкая М. А. (Жиберъ). Стихотворенія. 3 тома. Ц. I и III том. по 2 р., томъ II одинъ рубль.

Апухтинъ, А. Н. Сочиненія. Изд. 4-е Ц. 4 р.

Андреевскій. С. А. Стихотворенія 1878—1885 г. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к.

Величко, В. Л. Восточные мотивы. Стихотворенія. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.

—Второй сборникъ стихотвореній. Ц. 1 р. 50 к.

Буренинъ, В. П. Былое. Стихотворенія. Изданіе 2-е. Ц. 2 р.

— Стрѣлы. Стихотворенія. Изд. 2-е. дополн. нов. стихотворенія. Ц. 1 р. 50 к.

— Голубые звуки и бѣлыя поэмы. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

Мережковскій, Символы. Пѣсни и поэмы. Ц. 1 р. 50 к.

Фофановъ, К. М. Часть I. Стихотворенія. Часть 2-я. Этюды въ риѳмахъ. Часть 3-я Снѣгурочка. Часть 4-я Майскій шумъ. Цѣна каждой части 50 к. Часть 5-я монологи. Ц. 1 р.

Черниговецъ, Ф. В. Стихотворенія. Ц. 2 р.

Баратынскій, Е. А. Стихотворенія. Ц. 25 к.

Древнія Россійскія стихотворенія, собранныя **Киршею Даниловымъ.** Ц. 30 к., въ пап. 38 к., въ пер. 50 к.

— То же. Изящное изд. на веленевой бум. (Напечатано для любителей въ ограничен. колич. экз.). Ц. 1 р., въ пер. 1 р. 40 к.

Русскія народныя пѣсни, собран. Н. А. Львовымъ. Напѣвы записалъ и гармонизовалъ Иванъ Прачъ. Ц. 3 р.

Михайловскій, Д. Л. Иностранные поэты въ переводахъ и оригинальныя стихотворенія. 2 тома. Ц. за 2 тома 3 р.

Веневитиновъ. Полное собраніе стихотвореній. Съ біограф. и портрет. автора. Изданіе 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 30 к.

Давыдовъ, Д. В. Стихотворенія. Съ біогр. и портр. автора. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 35 к.

Дельвигъ, А., баронъ. Полное собраніе стихотвореній. Изд. 3-е. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ пер. 35 к., на веленев. бум. 40 к.

Козловъ, И. Три поэмы. Чернецъ.—Княгиня Наталія Борисовна Долгорукая.—Безумная. Съ біографіей и портрет. автора. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 30 к.

Кольцовъ, А. В. Стихотвор. Съ біографіею, портретомъ и рисункомъ памятника. Изд. 3-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ изящн. пер. 25 к.

— То же. Изящное изд. (Напечатано для любителей) 100 экз. на слоновой бум. Ц. 1 р., въ пер. 1 р. 75 к., и 300 экз. на велен. бум. Ц. 50 к., въ пер. 90 к.

Мерзляковъ и Цыгановъ. Русскія пѣсни. Съ очеркомъ жизни обоихъ поэтовъ. Изд. 3-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ перепл. 25 к., на вел. бум. 20 к.

Рылѣевъ, К. Думы и поэмы. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ пер. 40 к.

Пушкинъ, А. С. Собраніе сочиненій въ 10 томахъ болѣе 4000 стр. Съ біогр. А. С. Пушкина, съ портр., факсим., видами мѣстностей, гдѣ жилъ поэтъ. Съ алфавитн. и хронологич. указ. ко всѣмъ его произв. Изд. 3-е. Ц. за 10 т. 1 р. 50 к., въ изящн. пер. 3 р. 50к. въ папкѣ 2 р. 30 к.

Лермонтовъ, М. Ю. Герой нашего времени. Ром. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 30 к.

— «Маскарадъ», драма въ 4-хъ дѣйств., въ стихахъ, и «Маскарадъ», драма въ 5-ти дѣйств., въ стихахъ. Цѣна 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 30 к.

— Стихотворенія. Ц. 12 к., въ папкѣ 20 к., въ перепл. 27 к.

— Поэмы «Мцыри» и «Демонъ». Ц. 8 к., въ папкѣ 16 к., въ пер. 23 к.

— Кавказскія поэмы. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 30 к.

— Поэмы «Бояринъ Орша» и «Казначейша», «Литвинка», «Ангелъ Смерти», «Исповѣдь», «Азраилъ», «Корсаръ», «Джульо». Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ перепл. 25 к.

— Выбранныя юношескія стихотворенія. Съ портретами. Ц. 12 к., въ папкѣ 20 к., въ перепл. 27 к.

Языковъ, Н. М. Стихотворенія. Съ портретомъ и біографіей. Ц. за 2 тома 40 к., въ папкѣ 48 к., въ перепл. 60 к.

Продаются въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени» въ СПБ., Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и на станціяхъ жел. дорогъ.

Цѣна 2 руб.

2007054467